

АНАТОМИЯ МИФА

ВСЕ ТАЙНЫ
ТЕКСТОВ
ВЕЛИКОГО
ПИСАТЕЛЯ!

СЭЛИНДЖЕР

ДАНЬ ЖЕСТОКОМУ БОГУ

Елизавета Михайловна Бута
Сэлинджер. Дань жестокому Богу
Серия «Анатомия мифа»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8954258
Елизавета Бута. Сэлинджер. Дань жестокому Богу: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0905-2

Аннотация

Роман Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» впервые был опубликован в 1951 году – и с тех пор остается одновременно одним из самых читаемых и самых запрещаемых произведений мировой литературы. И одних из самых загадочных. В нем искали – и находили – призывы к насилию, чрезмерную жестокость, развращенность и прочие признаки «растлевания молодежи». Никого не волновало то, что хотел сказать автор. Все старались найти скрытые смыслы и тайные послания самого Текста.

Через 15 лет, 19 июня 1965 года, было опубликовано последнее произведение Сэлинджера «Хэпворт 16, 1924». После чего Сэлинджер, устав от нападков прессы, на многие десятилетия ушел в тень. Он больше не давал интервью и не публиковался. Возможно, именно в этой повести Сэлинджер дал ответы и на те вопросы, которые он сам задавал себе и своим читателям, и на те, которые ему задавали критики. Возможно, этой повестью Сэлинджер закончил главный поиск своей жизни – поиск Бога, – поэтому больше ничего и никогда не писал.

В книге, которую вы держите в руках, известный филолог, специалист по творчеству Сэлинджера Ирина Галинская раскроет все загадки его текстов. Историк религии Борис Фаликов проведет параллели между жизнью и творчеством писателя. Писательница Юлия Беломлинская расскажет о своем опыте чтения Сэлинджера. Писатель и религиозный деятель Борис Кутузов поведаст о христианских аспектах творчества писателя, расскажет о том, каков же он, Бог Сэлинджера...

Содержание

Вместо предисловия	5
«Ради толстой тети». Духовные поиски Дж. Д. Сэлинджера (Борис Фаликов)	16
Буддист из «Монреаль канадиенс»	17
Жертва культов	19
Жребий домохозяина	21
Монолит из ртути	23
Каждый пишет, как он дышит	24
Каждый дышит, как он пишет	25
Меткость курильщика	27
Рукописи не горят	29
Нам не дано предугадать...	30
Джером Сэлинджер – самый религиозный писатель запада. (Борис Кутузов)	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елизавета Бута

Сэлинджер. Дань жестокому Богу

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

Вместо предисловия Земля Сэлинджера. Опыт чтения

...Тебе, мой будущий Земляк...
Эмили Дикинсон

*Буддиста Джона Леннона застрелил человек с книжкой
буддиста Джерома Сэлинджера.
Случайность?*

Я получила Сэлинджера от собственной мамы.

Мне было четырнадцать.

На два года меньше, чем герою его замечательной книги «Над пропастью во ржи». Именно так перевела переводчица Рита Райт. Перевела неточно, но гениально. «Над пропастью во ржи» – звучит сильнее, чем настоящее название книги «Ловец во ржи».

На обложке была черно-белая репродукция: фрагмент картины американского художника Эндрю Уайта, странный, мальчик, остриженный под гребенку.

В мальчика нельзя было не влюбиться. Он был настоящий Холден Колфилд.

Я нырнула в эту книгу, и сразу открыла новую страну.

С тех пор «Земля Сэлинджера» – одно из моих постоянных мест пребывания.

Вокруг меня многие ребята постарше часто навещали эту землю.

Сэлинджер – один из кумиров тогдашней продвинутой молодежи.

Он идеально попадал на наше тогдашнее безвременье.

На наше чувство духоты и нужду в форточках, на наше желание бунта. Сэлинджер был одной из форточек. Из форточки дуло...

Бунтом, анархией, непоняткой... это для активных, для хулиганов.

А для пассивных, предпочитающих уход в себя, веяло мягким бризом дзен-буддизма.

В общем, он подходил всем.

В той первой книге была повесть и несколько рассказов.

В повести «Над пропастью во ржи» автор, которого мы соединили с героем – был мальчик, школьник, из частной закрытой школы, из богатой семьи.

А в рассказах появлялась война.

Какая-то непонятная, война, не вполне ясно, кого с кем.

Непохожая на телевизор... помню, что сержант кашлял.

Потом он получил отпуск, и опять никакой войны – Нью-Йорк, свадьба...

И все время, и в повести и в рассказах – отчуждение героя, непонимание.

Потом была еще тоненькая книжечка из «Библиотечки «Огонька»».

И там был рассказ «Дорогой Эсмэ с любовью и всякой мерзостью». Главным в рассказе опять была тема девочки. Дети, особенно девочки, у Сэлинджера – это такие ангелы, помогающие затравленному обывателями герою.

Для меня его герои были проигравшими.

Примером «как не надо». Убивающий себя Симур Гласс.

Или жуткий мальчик-вундеркинд из дзеновского рассказа Томми.

Который объясняет журналисту, что вот он сейчас, вероятно, умрет, и ему это даже интересно, а насчет мамы-папы... нет, их не жалко. Потому что они не понимают, как все это тут – понарошку...

Это «понарошку» мне совсем не подходило. И родителей Томми жалко, и мещанскую жену Симора. И еще я, с детства учась быть художником, обиделась за главного художника вселенной, раскрасившего мир, по своему усмотрению.

Мне не понравилась телега про По Ло, спутавшего серую кобылу с вороным жеребцом, потому что он глядел «в суть лошади».

Я подумала, что если важна была только суть – все лошади были бы серыми.

Сэлинджер был моей любовью. Но даже и в четырнадцать лет я догадалась, что он скорее Младший Брат, нежели Учитель.

Потом пришла пора Сэлинджера и для моей дочери. Ей было тринадцать, и она жила в стране, где Сэлинджер введен в школьную программу.

Но моя Полина прочла «Над пропастью во ржи» сперва по-русски. Ту самую, полученную мною от мамы.

С мальчиком на обложке. И мы с ней обсуждали эту книгу.

Мы уже знали, что Сэлинджер давно живет отшельником, скрывшись от людей, никого не хочет видеть.

И тогда я впервые сформулировала именно для дочки, что Сэлинджер в роли гуру может быть реально опасен.

Буддиста Джона Леннона застрелил человек с книжкой буддиста Джерома Сэлинджера в кармане.

И это не случайность.

Я тогда, предостерегая дочь, заметила у Сэлинджера еще одно: неприятие телесной любви.

Тот самый средневековый культ женщины – как Марии Непорочной. Девы. Девочки.

Нет, не Лолиты. Антилолиты. Алисы. Автор «Алисы» Льюис Кэррол – это «антигумберт». Это же можно сказать и о Сэлинджере.

Девочку предпочитают женщине не для того, чтобы с ней, с ребенком, войти в интимную связь. Не из худших низменных побуждений.

Нет, именно из лучших, высоких. Именно для того, чтобы можно было не входить вот в этот горячий и страстный мир «тела».

Девочка или монашка. В «Голубом периоде де Домье Смита» герой влюбляется в неизвестную ему монахиню сестру Ирму.

Я мало что знала тогда о Сэлинджере.

Но достаточно чтобы объяснить Полине, что он хочет любить, он понимает, что надо любить, но он не умеет, не может любить. По какой-то неведомой причине этот человек – инвалид, душевнобольной.

Это не мешает ему быть гением, но Земля Сэлинджера – удивительная, прекрасная – непригодна для жилья. В ней не построишь дом. Земля эта ползет как зыбучий песок. И дом, построенный на ней, непременно рухнет.

И вот предо мной лежит выпущенная «Лимбусом» книга – голос из рухнувшего дома.

«Камелот» – так называет дом, построенный отцом, Маргарет Сэлинджер, дочь писателя, автор мемуарной книги «Над пропастью во сне».

Книга Маргарет Сэлинджер – толстенная. Скандальная. Я ее принесла читать своей маме – круг замкнулся.

Но маме она не понравилась. Не понравилась сама Маргарет.

Занятая собой и своими проблемами.

Я не согласна. В этой толстой книге оказалось достаточно места для всего: и для внутренних «раскопок» самой Маргарет, сделанных в фирменном стиле жертвы великого учения дедушки Фрейда, завсегдатая кушетки психоаналитика, и для панорамы американской жизни 60-х и 70-х, старательно нарисованной женским пером, внимательным и многое замечающим.

И для совершенно честного изложения биографии Джерома Ди. Сэлинджера, для кусочка интереснейших мемуаров именно о нем.

В результате я к Маргарет Сэлинджер отношусь хорошо.

И я благодарна ей за эту книгу.

И благодарна людям, подарившим ее русскоязычному читателю.

Эта книга – еще одно путешествие по зыбучим пескам Земли Сэлинджера.

Маргарет пишет, что всю жизнь главным для ее отца был поиск Своих.

«Ландсман» – это слово на идиш и по-немецки значит «человек из твоей страны».

А по-нашему – земляк, земля, землячок.

Землячок – это важно. Он тот, кто всегда тебя поймет.

«Парень из моего двора». С моей улицы. Из моей деревни. Из моего квартала.

Тут и Окуджава со своими «арбатством, растворенным в крови».

Тут и Евтушенко – вечный стрелочник со станции «Зима».

Тут наши «деревенщики» с их деревней.

Тут и другой американский классик Уильям Сароян – так никогда и не порвавший свою армянскую пуповину.

Или Брэдли с его скромной, но бесконечной любовью к «земляничному окошку», на веранде викторианского старого дома в маленьком Гордоке.

И вот наш герой Джером Ди. Сэлинджер.

Кто он? Родом из какой земли? Где его «земели»?

Отец – немецкий еврей. Не из раввинов. Не из скрипачей, не из психоаналитиков.

Из лавочников. Из колбасников.

Успешная торговля мясом привела его в результате не куда-нибудь, а в Нью-Йорк – город на Парк Авеню. В место компактного проживания богатой белой протестантской Америки.

Если бы хотя бы в Бруклин. В привычную еврейскую среду. В смешанную среду. В эмигрантскую.

Но когда есть деньги снять квартиру на Парк Авеню – снимаешь ее на Парк Авеню. В районе, куда поселилась семья, цветных не было вообще.

А евреев почти не было.

Но если есть деньги отправить сына в дорогую школу – отправляешь его, например, в среднюю школу Макберни – «частное учебное заведение, принадлежащее к ассоциации молодых христиан».

При этом Сэлинджеры – не семья евреев-ассимилянтов, принявших христианство.

На следующий год после поступления в эту школу Сэлинджер проходит «бармицву» – торжественное тринадцатилетие по иудейскому обряду.

А еще через год мальчик впервые узнает о том, что его мать не является этнической еврейкой, что она – ирландка, принявшая иудаизм ради брака с его отцом. То есть он – полу-ирландец.

Быть ирландцем или итальянцем в тогдашнем Нью-Йорке было немного лучше, чем евреем или, не дай бог, негром. Но все равно для Парк Авеню это был «второй сорт».

В любом случае, к четырнадцати годам голова подростка Сэлинджера уже до предела заморочена всей этой ситуацией.

Вопросы: «Кто я?» и «Где они, мои земляки?» приходят в эту голову – и уходят, оставшись без ответа.

И все это происходит на фоне предвоенной Америки тридцатых.

Америки – полного расцвета всех видов расизма.

Люди, хоть немного знакомые с историей этой страны, знают, что перелом в отношениях белых и черных, а также в отношении к евреям, произошел именно во время войны, а точнее – там, на войне.

Именно вернувшийся домой солдат, побывавший в рукопашном бою, уже не мог принять отдельные места в автобусе.

– Этот черный парень рядом со мной бежал в атаку – умирать. Почему же ему нельзя теперь сидеть рядом со мной в автобусе?

Именно после войны белые американцы впервые активно начали поддерживать черных в борьбе за равные права.

На отношение к евреям, конечно же, больше всего повлиял фашистский вариант «решения вопроса». Но и совместный пуд соли, съеденный на войне, тоже сыграл свою роль.

Но все это случилось позже.

А тогда, в тридцатые, отец Сэлинджера поселил семью в районе, где найти землячка такому, как Джером Ди., было просто нереально.

Он – красавец-парень, высокого роста и с белозубой, вполне голливудской улыбкой, тем не менее, ощущал себя изгоем. Чужаком.

У Сэлинджера, несмотря на ирландскую половинку, вполне жгучая семитская внешность. И нос – как положено жертве «еврейского вопроса».

Итак, Сэлинджер проводит свое отрочество в эпицентре чванливой, антисемитски настроенной белой нью-йоркской знати. То есть, лезет со свиным своим рылом в тамошний калашный ряд.

При этом родители мечтают о поступлении его в один из университетов «Айви Лиг» (Лиги Плюща).

В хороших американских университетах в ту пору существовала процентная норма. Точно такая же, как в царской России, и впоследствии, в нашем Советском Союзе.

Такая норма, безусловно, противоречила американской конституции, и с ней пытались бороться. Но существовало множество обходных путей.

В результате, молодой человек, все-таки попавший вот в эти разрешенные «три процента», конечно же, чувствовал себя в таком вот «восповском» университете белой вороной. И ни о каких земляках речи не могло быть.

Сэлинджер возненавидел этот мир – мир Парк Авеню и «плюшевых» университетов. А до этого – мир английских частных школ закрытого типа.

В конце десятого класса пятнадцатилетний Джером Ди. переходит в «Вэлли Фордж», военную школу штата Пенсильвания.

Эта чисто белая закрытая школа была очередной попыткой мальчика интегрироваться в среду англо-саксонского «коренного населения».

И именно эта школа стала частичным прообразом школы «Пенси» в «Над пропастью во ржи». В повесть перекочевали проблемы, с которыми именно там пришлось столкнуться юному Сэлинджеру.

По окончании «Вэлли Фордж» Сэлинджер поступает в Нью-Йоркский университет.

Но после первого курса неожиданно уходит оттуда и устраивается массовиком-затейником на круизный корабль.

Вернувшись, он, несмотря на всю свою неприязнь к Лиге Плюща, записывается на писательский семинар в «плюшевом» Колумбийском Университете.

Он уже принял решение стать писателем, и такой семинар считает необходимым.

И в это время происходит первая публикация: рассказ «Подростки» выходит в нью-йоркском журнале «Стори».

Именно этот рассказ оказался и первой публикацией Сэлинджера в России.

В самом начале шестидесятых он был напечатан в прогрессивном журнале «Сельская молодежь». Да, в короткую хрущевскую пору эта самая «Сельская молодежь», наравне с «Юностью», была одной из распахнувшихся форточек в мир зарубежной литературы.

Дальше Сэлинджера начинают печатать: у него берет рассказ «Нью-Йоркер» и еще пара известных журналов.

Ранние рассказы Сэлинджера – все о том же снобизме, о непонимании, об одиночестве, о человеке, которому трудно вписаться в окружающую среду.

И конечно же, о хорошеньких женщинах, которые попались на пути этого одинокого и непонятого человека.

Мы не знаем, каким бы он стал, если бы так и остался там, на Парк Авеню, в уютных аудиториях Колумбийского. Наверное, стал бы Успешным Молодым Писателем. Наверное, он нашел бы «своих» в среде прочих Успешных Молодых, поблескивающих очками...

Но тут его, по меткому выражению Марины Цветаевой, «схватила за волосы судьба». Мы хорошо знаем эту Судьбу, схватившую многих, костлявую с косой... челкой и щеточкой усов. С каркающим голосом и романтическим именем Адольф.

Весной 1942 года Сэлинджера призвали в армию.

Джером Ди. загремел на Вторую мировую войну.

И загремел «не по-детски».

Двадцатилетнего рядового Джерома Ди. Сэлинджера сунули носом в самое пекло.

Прямо в эпицентр Ада.

Как выглядит эпицентр Ада – узнать легко. Но не из дантовой комедии.

Для начала из простой песенки на стихи Редьярда Киплинга, ее сочинили в наши шестидесятые наши барды:

«Я был в аду сорок дней, и я клянусь,
Там нет, ни жаровен, ни чертей,
А только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог,
И отпуска нет на войне...»

Пешим маршем Сэлинджер пошел пол Европы.

Осенью, зимой, весной.

Шел, утопая в снегу, или в хлюпающей грязи – в ботинках.

Но это только ворота Ада – пеший марш.

А про настоящий Ад лучше узнать из любого описания рукопашного боя, высадки морского десанта...

Из мемуаров штаб-сержанта Сэлинджера, вернее, из военных рассказов Джерома Ди. Сэлинджера, давно уж переведенных и изданных у нас.

Итак, рядовой Сэлинджер, двадцати трех лет. Под номером 32325299...

Он заканчивает курсы и становится связистом.

Потом подает прошение в школу военных переводчиков и контрразведчиков. Дальше его посылают в Англию, где он проходит специальную подготовку агента контрразведки, перед решающим «Днем Высадки» союзных войск.

Об этом времени – рассказ «Дорогой Эсме...», его герой сержант Икс – это и есть сам автор.

Саму «Высадку» Сэлинджер описывает в других своих военных рассказах.

Американский штаб-сержант Сэлинджер высадился на гостеприимный европейский берег в июле 44-го, в составе Четвертой дивизии Двенадцатого Пехотного Полка.

Воевал почти год, до самого 9-го мая 45-го.

Ему повезло выжить.

Только за первый месяц боев Двенадцатый Пехотный потерял 76 % офицеров и 63 % рядовых.

Эти цифры говорят о том, какая война досталась Сэлинджеру.

В пехоте. В рукопашном бою.

Маргарет Сэлинджер пишет: «...Двенадцатый пехотный только что вышел из рукопашной, освободив город Шербур...»

К августу 44-го потери Двенадцатого Пехотного были уже 125 % от первоначального состава.

В конце августа Двенадцатый Пехотный вошел в Париж.

Там, в Париже штаб-сержант Сэлинджер знакомится с Эрнестом Хемингуэем.

«Папа Хэм» был в ту пору военкором и жил в отеле Риц, Сэлинджер пришел туда и показал мэтру один из своих военных рассказов.

Дальше Двенадцатый Пехотный идет через Францию и Бельгию в Германию.

«Идет» – то есть проходит с боями, отвоевывая кровью шаг за шагом.

Нас этим не удивишь. Мы, насмотревшись в детстве телевизора, хорошо себе представляем, как во время войны идет пехота. Но я сейчас не о нас.

Дальше наступает осень, а за ней зима, к которой Двенадцатый Пехотный оказывается совершенно неподготовлен. За месяц боев в Гюртгенском лесу гибнет полторы тысячи человек, но примерно столько же просто замерзает в окопах, полных ледяной воды – без зимней обуви, без теплых шинелей, без одеял... и это – конец сорок четвертого.

Маргарет Сэлинджер цитирует слова из благодарности? Главного Штаба в адрес Двенадцатого Пехотного: «непредвиденные в такое время года осадки...».

Время года – декабрь.

Маргарет Сэлинджер пишет, что основное бремя войны легло «не на плечи храбрых пехотинцев, как отмечено в благодарности, а на их ноги».

Кожаные ботинки. Те же самые ботинки, будь они неладны, которые мы встречаем у русского солдата, артиллериста Булата Окуджавы в повести «Будь здоров, школяр». Но там на дворе 41-й год.

А для Двенадцатого Пехотного уже наступает сорок пятый.

В эту зиму, в окопах с ледяной водой, сержант Сэлинджер пишет стихи.

И посылает их в отдел поэзии журнала «Нью-Йоркер».

В первый день 1945-го Сэлинджеру исполняется двадцать шесть лет.

А полк продолжает идти из боя в бой.

В апреле их бросают на «зачистку».

Тут возникает множество военнопленных, и в обязанность сержанта Сэлинджера входит их допрашивать и решать их дальнейшую судьбу.

Последнее сражение Двенадцатого Пехотного произошло 2 мая...

А дальше выживший Сэлинджер попадает в госпиталь с интересным диагнозом: «боевое переутомление». Звучит вполне политкорректно.

Но в переводе на человеческий язык означает «поехал крышей и загремел в дурку». Его собираются мобилизовать. Но Сэлинджер рвется обратно в строй, и в результате его выписывают.

Судя по рассказу «Дорогой Эсме...», все в том же «переутомленном» состоянии.

В рассказе сержант Икс получает от случайной английской знакомой, маленькой девочки Эсме, трогательное, забавно-вежливое письмо, в котором девочка желает ему «поскорее обрести способность функционировать нормально».

Дальше Сэлинджер замечает: «Молодой человек был одним из тех, кто, пройдя через войну, не сохранил «способности функционировать нормально»».

Так же, как герой рассказа сержант Икс, сержант Сэлинджер подписывает контракт еще на шесть месяцев гражданской службы. Это служба – работа с предателями и военными преступниками.

Сэлинджер работает как агент американской контрразведки.

Он допрашивает людей, подозреваемых в сочувствии нацистам, и выносит им приговоры.

По долгу службы он слушает свидетельства. Он видит фотографии.

Все мы примерно представляем себе, чего навиделся и наслушался молодой Сэлинджер.

Примерно. По хронике. По фильму Ромма «Обыкновенный фашизм».

По, в общем-то, одним и тем же кадрам. Одним и тем же фотографиям.

По кадрам и фотографиям, которые специальная комиссия психиатров сочла возможным «допустить до рядового зрителя».

Такая комиссия работала на фильме «Обыкновенный фашизм». Просмотрела огромное количество материала. И сочла возможным к допуску одну десятую часть.

Про остальное психиатры вынесли решение: «Людам это видеть нельзя».

То бишь – «У людей съедет крыша».

Джером Ди. Сэлинджер по долгу службы все это, неразрешенное к допуску, видит.

Видит уже после того, как побывал в дурке по причине переутомления своей бедной головы.

После того, как он из этой дурки, не долечившись, вышел.

И все это приводит к тому, что он из дурки так и не вышел.

Сэлинджер вернулся со Второй мировой войны человеком слегка свихнувшимся.

Человеком, остро нуждающимся в психиатрической помощи, в психологической реабилитации.

И это ясно видно всем, окружающим его.

А вот дальше начинается вторая часть этой драмы.

Частично описанная самим Сэлинджером.

Его герои, вернувшиеся с войны, выжившие в Аду...

Они не похожи на героев, например, Уильяма Сарояна.

Те возвращаются в свои маленькие городки, к простым людям, которые способны к сопереживанию, и для которых каждый вернувшийся солдатик – герой. Маленький Герой вот этого маленького Городка.

Но герои Сэлинджера возвращаются в мир преуспевающего Большого Нью-Йорка. В мир, где, в сущности, не было войны. Где ее не заметили.

В мир, где окружающим конечно, ясно, что вот этот парень – псих, а чего он псих, с чего он псих – в общем, непонятно.

И где он был, что делал последние пару лет – тоже не совсем ясно.

Ну да, солдаты, герои, доблестная Победа нашего американского коллективного Витязя, над каким-то там заокеанским коллективным Змеем Горынычем.

История случилась хоть и недавно, но где-то там, в Тридевятом Царстве.

Стало быть, она – сказочная. И герой должен быть нормальный сказочный: Храбрый Витязь.

А тут почему-то псих.

Догадаться о том, что происходит с Сэлинджером в первые послевоенные годы можно, читая его рассказы.

Героев Сэлинджера тащат к психоаналитикам, обвиняют в неадекватности.

Эта тема – основной конфликт серии рассказов о семье Глассов.

В результате, его любимый герой Симур Гласс кончает жизнь самоубийством.

Он стреляет в себя, доведенный до отчаянья непониманием, неприятием, невозможно-стью интегрироваться в мирное послевоенное общество.

И в общем, я его понимаю.

Понимаю его нежелание идти к психоаналитику. Потому что человека, прошедшего Ад, вряд ли сможет понять человек, Ада не нюхавший.

И именно поэтому в психиатрии существует такое понятие как «Группы поддержки».

«Группа поддержки» объединяет людей с одинаковой психологической проблемой для общей групповой психотерапии.

Этот метод сравнительно молодой. И в Америке он появился в послевоенные годы, а к нам в Россию пришел и вовсе недавно.

Но, тем не менее, я могу с уверенностью сказать, что у всех русских солдат, вернувшихся с войны, эта самая «группа поддержки» была.

И не только у солдат. Она была и у женщин, выдержавших на себе тыл.

И у тех, кто пережил плен. И у тех, кто был под оккупацией.

Все послевоенные годы у нас в стране бесконечно писали и говорили об этой Войне. Фильмы, посвященные Войне, без конца шли в кинотеатрах, а с появлением телевидения не сходили с «голубых экранов».

По несколько раз в день каждому жителю Советской России напоминали о том, что «У нас была Война. Тяжкая Война. Наши мужчины умирали на поле боя. Наши женщины сгибались под тяжестью непосильного тылового труда. Наши эшелоны с эвакуированными бомбили. наших людей гнали в концлагеря. Наши танкисты горели в танках...».

Нас постоянно ежедневно заставляли вновь и вновь заглядывать туда, в Ад. Чтобы мы не забывали о том, что это было. И каждый день вот эта небольшая «экскурсия в Ад» кончалась одним и тем же оптимистическим выводом: «Весь этот наш совместный четырехлетний военно-тыловой Ад кончился Победой. Значит, мы прошли его не зря».

Трудно представить себе более удачный вариант «группы поддержки».

В течение долгих лет вот этой самой «группой поддержки» была вся страна.

И звучало бесконечное «мы». Именно Война была для жителей Советской России главной святыней и главным обедняющим.

Ничего похожего вернувшийся в Нью-Йорк Сэлинджер не встретил.

Ветеранские «группы поддержки» возникли в Америке позднее, во время Вьетнамской войны. Вот эта война – война спорная, расколовшая общество на две части, она была Америкой активно замечена.

И можно сказать, что по вьетнамской войне в «группе поддержки» участвует вся страна.

Но Вторая Мировая, при всей ее ясности именно с нравственной точки зрения для американцев – нечто неясное, туманное, размытое в учебниках истории.

Не следует забывать, что для нас эта война закончилась знаменем над Рейхстагом, а для Америки – атомным грибом над Хиросимой.

И как раз с нравственной точки зрения этот гриб – совсем нехорошая история.

Я думаю, что именно этот гриб заволок туманом Вторую Мировую для Америки.

В учебниках истории у Америки вышла своя война, и в основном, с Японией.

Но сержант Сэлинджер из Двенадцатого Пехотного провоял год на нашей войне. В Европе, в окопе. В пехоте, в грязи, в крови.

Америка и Россия напоминают мне двух мальчиков, которые борются за лидерство во дворе. Борются хитро, каждый старается перетянуть на свою сторону побольше мальчишек. Собирает себе «войско».

При этом они все время оскорбляют и всячески дискредитируют друг друга.

Но при появлении настоящей шпаны, как ни странно, эти враждующие лидеры объединяются.

Вот сейчас снова заговорили о Холодной Войне.

Об Американской Угрозе.

Насколько я понимаю, разговоры о русско-американской войне идут уже сто лет. То затухают, то вспыхивают.

И угольки в этот костер радостно кидают с обеих сторон.

И с обеих сторон почему-то не хотят вспоминать тот простой факт, что за все это время русский солдат встречался с американским лишь единожды.

И встречались они на Эльбе. Там они крепко обнялись, и кадры хроники запечатлели для нас это объятие.

Но политикам все это не нужно и неинтересно.

Поэтому Холодная Война по окончании Второй Мировой вспыхнула с новой силой.

Кто-то невидимый как будто перевел рычаг, и вся история Второй Мировой для Америки сосредоточилась на противостоянии с Японией. Перл Харбор заслонил собой и Эльбу, и Гюртгенский лес, и Двенадцатый Пехотный полк.

Вернувшийся с войны сержант Сэлинджер вновь не нашел «землячков».

На войне они были. Но на Парк Авеню он вернулся один.

Вокруг него был мир совершенно чужой и совершенно равнодушный к тому, что он пережил.

Америка, как известно, расцвела и разбогатела на этой войне. Его опыт, опыт выживания в Аду был не нужен и неуместен в американском послевоенном Раю.

Итак, человек с поехавшей крышей, псих, нуждающийся в реабилитации и не имеющий «группы поддержки».

Вот она, история Сэлинджера.

Дальше ему остается только повторить поступок Симора Гласса и уйти из этой жизни, от людей, которые его не понимают.

И Сэлинджер уходит. Не из жизни, но от людей.

Вся его дальнейшая очень долгая жизнь – это все более и более глубокое погружение в чашу.

В лес, в пустыню, в глушь – все дальше и дальше...

Поначалу он все еще надеется найти себе «землячка».

Сэлинджер женится на самой хорошенькой девушке, которая попадает ему на глаза. Как всегда в таком случае, он уверен, что женится по любви.

Дальше он тащит эту голубку в чашу леса. В старый пустой дом, без горячей воды и отопления.

И там заводится аж двое детей. Вот тех самых, о которых мечтает Холден Колдфилд.

Завести детей и ловить их над пропастью во ржи.

Да, красивая картинка: дети играют, бегают во ржи, над пропастью. А его работа их ловить, чтобы они не срывались в пропасть.

Но ведь пока он ловит одного, там может в это время сорваться другой!

А не проще ли там поставить какой-нибудь забор?

Или вообще отвезти этих детей играть в другое место?

Первая жена, Клэр Дуглас, прелестная бабочка, пойманная Сэлинджером в сачок и перенесенная им все с той же Парк Авеню в глухой лес Вермонта, не сдюжила предложенную им жизнь, с двумя детьми и без горячей воды. Семья развалилась.

И дальше Сэлинджер начинает жить в своем лесу один.

Поиски «землячков» продолжаются.

Маргарет Сэлинджер пишет том, что еще при их совместной жизни он успел нырнуть во все возможные культы, верования и разного рода «измы».

Дзен-буддизм, Веданта, Крийя-йога, «христианская наука», сайентология, гомеопатия, иглоукалывание, макробиотика... это все семья прошла еще до развода.

В какой-то момент Сэлинджеру, немало хлебнувшему от антисемитизма, пришлось впервые столкнуться с расизмом ортодоксального еврейства. Именно тогда, когда, кочуя по разного рода «измам», он доверчиво потянулся к родному иудаизму, пытаясь найти «землячка» в среде ортодоксальных раввинов. Там его быстро отшили, поинтересовавшись девичьей фамилией матери.

В какой-то момент, через восемь лет после развода с Клэр Дуглас, в его жизни появляется еще одна женщина. Похожая на тринадцатилетнюю девочку, восемнадцатилетняя студентка литературной программы Йельского университета Джойс Мейнард. Сэлинджеру в ту пору – пятьдесят четыре. Она выдерживает рядом с ним совсем недолго.

И дальше, еще через двадцать одиноких лет, семидесятилетний Сэлинджер находит следующую любовь: молодую медсестру Колин.

Эта женщина до сих пор с ним. Сэлинджер, так же, как и другой американский классик – Брэдбери, по-прежнему жив и здоров, да продлит Господь его дни.

Разница у него с нынешней женой в пятьдесят лет.

Я думаю что женщины, готовые разделять одиночество очередного «великого отшельника», находятся везде и всегда.

Но, скорее всего, Сэлинджер вышел из Второй Мировой с еще одной проблемой.

Его странная в молодые годы неприязнь к телесной стороне любви – это, наверное, следствие все той же неизлечимой душевной травмы.

В современном мире уже всякий знает, что почти все причины физической мужской слабости находятся в области психологии и душевного состояния.

Сэлинджер чисто внешне – персонаж вполне голливудский: эдакий высокий красавец, вроде молодого Роберта де Ниро.

И конечно, несоответствие вот этой «суперменской» внешности внутреннему «боевому переутомлению» оказалось шоком для его молодой жены Клэр.

И вероятно, для второй жены Джойс тоже.

Я думаю, что эта ранняя «переутомленность» явилась для Сэлинджера еще одной болевой точкой в отношениях с миром.

Именно из этой точки берет начало его «средневеково-менестрельное» отношение к взрослым женщинам, и бегство от физической близости в любовной жизни. Такое бегство не помогает налаживанию близости духовной, если речь идет о жене.

Последний, нынешний брак семидесятилетнего писателя с совсем юной девушкой-медсестрой, брак уже никоим образом не предполагающий соединения супругов для продолжения рода, оказался удачнее прежних.

Ну, понятно, что юная Колин решила жить с великим писателем, чтобы стать ему няней, сиделкой и другом.

Встретил ли он в ее лице, наконец, того самого «земляка», о котором мечтал всю жизнь?

Когда-нибудь мы об этом узнаем. Сэлинджер, сидя в своей «башне из слоновой кости», все эти годы что-то пишет.

Пишет какое-то бесконечное Послание к людям.

Пытается с ними объясниться, и что-то им объяснить.

И ему все время кажется, что он написал не так, не то.

Что его опять не поймут.

История Сэлинджера похожа на древнегреческий миф о царе Сизифе, который вкатывает камень на вершину горы. И всякий раз камень скатывается вниз.

Но царь Сизиф был наказан за гордыню.

А за что наказан честно воевавший штаб сержант Джером Ди. Сэлинджер? Непонятно...

Остается надеяться, что он все-таки счастлив там, в своем лесу, с молоденькой медсестрой.

Сэлинджер по-прежнему – один из моих любимых писателей.

Хотя я давным-давно догадалась, что все, написанное им – это бесконечные «записки сумасшедшего». Прекрасного сумасшедшего. Наверное, в российской традиции правильнее назвать такого человека юродивым.

Американский юродивый, бывший храбрый сержант, живет в лесу с рыжеволосой сестрой милосердия, девушкой Колин, пишет свое загадочное Послание и, наверное, готовится к встрече с самым главным Земляком...

Юлия Беломлинская

«Ради толстой тети». Духовные поиски Дж. Д. Сэлинджера (Борис Фаликов)

Джером Дэвид Сэлинджер не воспринимается нынешней американской молодежью как писатель. И вовсе не потому, что в последний раз публиковался в 1974 году: его единственный роман «Над пропастью во ржи» продолжает ежегодно расходиться тиражом в 250 тысяч экземпляров. Просто у него другой статус – не писателя, но гуру. Отказ от публикаций – это, конечно, маунврат (индусский обет молчания), а одинокая жизнь в нью-гэмпширской глуши – отшельничество.

Мой американский студент рассказывал, как отправился к Сэлинджеру, чтобы спросить у него, как жить дальше; просидел в кустах возле дома в Корнише всю ночь, а поутру застеснялся и убрался восвояси. Бывает и по-другому. Я прочитал недавно в одном блоге, как некий Стив постучался к отшельнику в избушку и завел с ним проникновенный разговор о смысле жизни. То, что это розыгрыш, стало ясно задолго до того, как Стив начал расспрашивать, какую мочу предпочитает пить уважаемый мудрец. Дело в том, что дочь Сэлинджера Маргарет в своих скандальных мемуарах рассказала об увлечении отца урино-терапией (у индусов в Аюрведе это называется амароли). Она много еще о чем там порассказала. В наше смутное время гуру для одних может запросто стать объектом насмешки для других, включая собственную дочь. Впрочем, Сэлинджер после выхода дочкиных признаний мог утешиться Бхагавадгитой:

С воцарением беззаконья развращаются женщины рода;
когда женщины рода растлились,
наступает всех варн смешенье.
Варн смешенье приводит к аду...¹

А значит, и верно, наступают последние времена, и он вовремя скрылся из гибнущего мира.

¹ Бхагавадгита, глава 1, шлоки 41-42. Пер. В. С. Семенцова. – М.: Наука, 1985. Варны – четыре основных сословия древнеиндийского общества: жрецы, воины, земледельцы, слуги.

Буддист из «Монреаль канадиенс»

Полукровка Сэлинджер (отец – еврей, мать – ирландка) не получил традиционного еврейского образования, и, хотя он прошел обряд бар-мицвы, католический мистицизм привлекал его куда больше. Затем добавился буддизм, первые представления о котором он, вероятно, почерпнул из трудов Реджинальда Блайса². Не исключено, что утки, чья судьба так волнует Холдена Колфилда – героя «Над пропастью во ржи», – «прилетели» в роман из сборника дзэнских коанов «Мумонкан» в переводе Блайса³. Буддийский наставник Басо дает в одном из них весьма болезненный урок монаху Хякудзэ, который не сумел ответить на вопрос о том, куда летят дикие утки. Мастер так сильно дернул ученика за нос, что у того брызнули слезы.

Для послевоенной Америки увлечение буддизмом не было чем-то исключительным. В 50-е он даже вошел в моду среди писателей-битников, которые считали, что настоящего просветления можно достичь, выпив галлон дешевого калифорнийского вина и разогнавшись на машине до сотни миль в час. Сэлинджер был в этом пионером и подходил к делу серьезнее, недаром его герой Бадди называл битников «дервишами-бродяжками, якобы помешанными на дхарме» и даже «дзэноубийцами». Но, как впоследствии Джек Керуак или Аллен Гинзберг, он исключал из своего буддизма моральные предписания – панча-шила. Друзья вспоминают, что больше всего он любил рекомендовать буддийские книжки многочисленным подружкам. Но рьяным буддистом представал далеко не перед всеми. Например, одна девица была твердо убеждена, что имеет дело с вратарем «Монреаль канадиенс»⁴.

В отличие от битников Сэлинджер прошел войну, которую закончил сержантом контрразведки. Он первым попадал в фашистские концлагеря и насмотрелся такого, что хватило на всю будущую жизнь. «Меня преследует запах горящей плоти», – жаловался он через много лет дочери. Для ранимого молодого человека это было слишком. Его буддизм – реакция на безмерность человеческих страданий. Ведь и сам Будда Шакьямуни примерно в таком же возрасте осознал, что все есть дукха – страдание, – и стал на путь просветления.

Незадолго до войны Сэлинджер начал учиться писательскому мастерству на вечерних курсах Колумбийского университета и дебютировал в журнале «Стори». В конце 1941 года его «Маленький бунт неподалеку от Мэдисон-авеню» был даже принят разборчивым «Нью-Йоркером», но тут японцы разбомбили Перл-Харбор, началась война, и рассказ увидел свет лишь после ее окончания. Сэлинджер продолжал писать и на фронте и даже печатался в развлекательных журналах «Кольерс» и «Сатердей ивнинг пост». Однако настоящий прорыв случился в 1948 году, когда «Нью-Йоркер» не только принял его рассказ «Хорошо ловится рыбка-бананка», но и заключил с двадцатидевятилетним писателем контракт. Рассказ оказался первым из историй о семье Глассов: маменька и папенька – отставные водевильные актеры (он еврей, она ирландка!), отпрыски – все как на подбор вундеркинды и участники радио-шоу «Умный ребенок». Об этих семерых – Симоре, Бадди, Бу-Бу, Уолте, Уэйкере, Зуи и Фрэнни – писатель и опубликовал потом семь рассказов.

«Бананка» повествует о старшем, Симоре, а точнее, о его самоубийстве. Сэлинджер наделил его своей собственной ранимой душой и психической травмой, полученной на войне, но обретаемую им самим восточную мудрость передал Симору в более поздних рассказах, где тот именуется не иначе как дживанмукта – индусским святым, достигшим спасе-

² Реджинальд Блайс (1898-1964) – английский японист, переводчик.

³ Lawrence Bowden. The Ducks in Central Park, or Why You Can't Teach The Catcher in the Rye // Americana. The Journal of American Popular Culture. Oct. 2002.

⁴ Times. 1961. Sep.15.

ния при жизни. (В рассказе содержится лишь один намек на интеллектуальные пристрастия героя – это Рильке, правда, не названный по имени.) Отсюда парадокс: чтение буддийских текстов, возможно, помогло писателю восстановить душевное равновесие, и вместо него погиб его герой. Но то, что впоследствии этот герой предстал перед нами в облике мудреца, делает его самоубийство странным.

Жертва культов

Нанести на карту маршрут духовной одиссеи Сэлинджера очень непросто. Сам писатель практически ничего не говорит об этом; впрочем, он хранит молчание и по поводу других сторон своей жизни. Неутомимый Ларри Кинг⁵ как-то признался, что интервью с Сэлинджером – мечта его жизни, но он вполне отдает себе отчет в том, что мечта эта неисполнима. Британец Иэн Гамильтон затеял сочинять первую подробную биографию писателя и натолкнулся на решительное нежелание своего героя делиться сведениями о себе. Тот не сдавался и счастливо обнаружил в библиотеках Принстонского и Техасского университетов письма Сэлинджера, оказавшиеся там после смерти адресатов, – добыча, которой можно позавидовать. Но писатель подал на биографа в суд за нарушение авторского права на письма – и выиграл процесс. Бедный Гамильтон дважды переписывал книгу и смог изложить полученную информацию только в очень приблизительном виде, так как цитировать письма ему запретили⁶.

Все эти перипетии отпугнули других потенциальных биографов; с тех пор появилось всего лишь одно объемное жизнеописание корнишского затворника, вышедшее из-под пера Пола Александера⁷. Правда, в 1999 и 2000 годах почти синхронно выпустили книги о Сэлинджере две женщины – бывшая любовница писателя Джойс Мейнард и его дочь Маргарет⁸. Любовница о религиозных поисках Сэлинджера не особенно распространяется: видимо, он с нею не слишком делился. А вот дочь высказывается на эту тему охотно, опираясь на собственные детские воспоминания и на позднейшие разговоры с матерью. Именно от нее мы узнаем, что в начале 50-х к католической мистике и дзэн-буддизму у писателя прибавился индуизм, вначале адвайта-веданта в версии Шри Рамакришны (1836-1886) и его ученика свами Вивекананды (1863-1902), а затем крийя-йога Парамахансы Йогананды (1893-1952)⁹. За ними последовали «христианская наука», дианетика и сайентология Рона Л. Хаббарда (1911-1986), оккультизм Эдгара Кейси (1877-1945), потом акупунктура, макробиотическая диета и злосчастная уринотерапия¹⁰.

Маргарет подкрепляет свои и материнские воспоминания налоговыми декларациями отца, где черным по белому записаны пожертвования различным религиозным организациям. Перед нами встает мятущаяся душа, которая отчаянно ищет все новые и новые способы спасения. Дочь рисует отца добровольной жертвой различных новомодных культов, опираясь при этом на методы так называемых антикультистов, профессиональных борцов с подобными организациями. Мелькают имена теоретиков этого направления: Роберта Лифтона, Льюиса Уэста, Маргарет Сингер. Дочь Сэлинджера полностью разделяет их пафос: культы промывают своим жертвам мозги, подчиняют их себе и выкачивают из них немалые деньги. И утверждает: ее мучает даже не то, что эти деньги могли быть с пользой потрачены на ее счастливое детство; скорее, дочери кажется, что отец понапрасну тратил свои духов-

⁵ Ларри Кинг (р. 1933) – популярный телеведущий, руководитель программы «Телеинтервью в эфире с Ларри Кингом».

⁶ Ian Hamilton. InSearchofJ. D. Salinger. – NewYork: Random House, 1988.

⁷ Paul Alexander. Salinger: A Biography. – Los Angeles: Renaissance, 1999.

⁸ Joyce Maynard. AtHomeintheWorld. – NewYork: Picador, 1998; SalingerMargaret. DreamCatcher: AMemoir. – NewYork: WashingtonSquarePress, 2000. Русский перевод: Маргарет А. Сэлинджер. Над пропастью во сне: мой отец Дж. Д. Сэлинджер. – М.-СПб.: Лимбус-Пресс, 2006; см. также статью Александры Борисенко. О Сэлинджере, «с любовью и всякой мерзостью» («ИЛ», 2008, № 10).

⁹ Адвайта-веданта – индийское учение о недвойственности бытия, развитое философом Шанкарой (788-820); крийя-йога – букв. йога действия.

¹⁰ Маргарет А. Сэлинджер. Над пропастью во сне: мой отец Дж. Д. Сэлинджер. С. 132-134

ные силы на религиозные бредни, а не на истинное призвание – писательство. И это привело к творческому кризису, а затем и вовсе к выпадению из литературного процесса.

Что ж, такой взгляд готовы разделить многие. Но по мере чтения мемуаров крепнет подозрение, что дочь не столько сочувствует бедному отцу, сколько обвиняет его в том, что он сам, подобно боготворимым им обманщикам, промыл мозги дочери, то есть выступил по отношению к ней в роли авторитарного гуру. И всю жизнь ей пришлось преодолевать последствия этого надругательства над ее сознанием.

Надо признать, что жизнь у нее и правда сложилась нелепо. Подобно многим своим сверстникам из поколения «детей-цветов», она вела разгульную жизнь, употребляла наркотики, но все же сумела получить хорошее образование. Однако карьера Маргарет не задалась, у нее развились тяжелые психосоматические заболевания, так что возникла естественная потребность найти виновных в собственных неудачах. Лучше других на эту роль подошел знаменитый отец, который тратил свои деньги и любовь на экзотических индусов, а не на родную дочь. Более того, наградил ее совершенно неверными взглядами, которые и привели к жизненному краху.

Мемуары кончаются на оптимистической ноте: Маргарет заводит сына и обещает воспитывать его совсем не так, как ее воспитывал горе-отец. Ей удалось вырваться из плена иллюзий, и она никогда не позволит своему ребенку попасть в него. Собственно, ее мемуары и есть родительское напутствие. Недаром их английское название «DreamCatcher» – «Ловушка для снов» – обозначает магическое приспособление американских индейцев, которое вешают над спящим, чтобы охранять его от дурных снов¹¹.

¹¹ Английское название мемуаров – игра слов: название повести Сэлинджера «Над пропастью во ржи» в оригинале звучит как «Ловец во ржи» – «The Catcher in the Rye». Сочетания же «ловец снов» и «ловушка для снов» по-английски звучат одинаково. О «ловушке для снов» см.: «ИЛ», 2008, № 11, материал «Сказки и тайны леса». (Прим. ред.)

Жребий домохозяина

Понятно, что такая интерпретация религиозных поисков Сэлинджера не способствует их объективному истолкованию. к этому добавляются и фактические ошибки. Маргарет утверждает, что отец в переписке с ее будущей матерью в конце 1950-го – начале 1951 года рассказывает о том, что подружился со знаменитым популяризатором дзэн-буддизма в США Д. Т. Судзуки и стал медитировать с ним в буддийском центре в парке «Тысяча островов»¹². Судзуки действительно переехал в Нью-Йорк с западного побережья в 1951 году и начал читать лекции в экуменической миротворческой организации при фонде Карнеги – «Союз церковного мира». Его приглашали в гости и нью-йоркские интеллектуалы, интересующиеся Востоком¹³. На одной из этих встреч Сэлинджер и впрямь мог с ним познакомиться, но вот медитировать вряд ли, потому что Судзуки ограничивался просветительской деятельностью, а уж в парке «Тысяча островов» не мог оказаться вовсе, никакого буддийского центра там отродясь не было. Вот летний лагерь Нью-Йоркского центра Рамакришны-Вивекананды там действительно находился, и Сэлинджер вполне мог там побывать, но только не в 1951 году, а позже. Его увлечение индуизмом началось в 1952 году, когда он прочел «Евангелие Рамакришны» и написал друзьям, что потрясен жизнью и учением этого удивительного человека¹⁴. У тогдашнего главы центра свами Нихилананды (1895-1973) он действительно учился медитировать и сохранил почтение к наставнику до самой смерти того. Он подарил свами издание «Фрэнни и Зуи» с трогательной надписью, где были и такие смиренные слова: «Я смог распространять идеи веданты лишь через эти истории»¹⁵.

Несмотря на очевидные ошибки, какие-то детали религиозной жизни Сэлинджера и его супруги Клэр из мемуаров их дочери извлечь можно. Например, становится ясно, что если дзэн был для писателя скорее интеллектуальной забавой, то индуизм изменил все его мировоззрение. Занятия йогой влияют на всего человека – его ум, волю, тело. Если прежде Сэлинджер раздавал своим подружкам списки буддийской литературы, то индуизм подвиг его и к моральной дисциплине. По слухам, он даже полностью хотел посвятить себя ему, приняв монашеское отречение – саньясу. В 50-е годы для этого уже не надо было ехать в Индию: индусским монахом можно было стать и в США.

Женитьба на Клэр Дуглас, очаровательной дочери британского искусствоведа, заставила его отказаться от крайностей аскезы, но индуизма он не бросил. Летом 1955 года вместе с Клэр они отправились в Вашингтон, чтобы получить посвящение в крийя-йогу. В ту пору в пригороде американской столицы открылся новый центр Братства самореализации Парамхансы Йогананды, экспортировавшего в США эту технику йоги. Гуру – автор первого американского бестселлера об индуизме «Автобиография йога» – скончался в 1952 году, но его идеи продолжали привлекать американцев. Сэлинджера, судя по всему, заинтересовали две из них. Во-первых, спасение доступно не только отшельникам-саньясином, но и людям женатым. Создатель крийя-йоги Лахири Махасаи (1828-1895) и сам был «домохозяином», как в индуизме называют последователей учения, живущих в семье. Во-вторых, не менее важным для Сэлинджера было и то, что крийя-йога трактовалась как научный метод, кото-

¹² Маргарет А. Сэлинджер. Над пропастью во сне. С. 23.

¹³ Rick Fields. How the Swans Came to the Lake. A Narrative History of Buddhism in America. – Boulder: Shambala, 1981. P. 196.

¹⁴ Hamilton. P. 127.

¹⁵ Из лекции д-ра Сумитры Менона, посвященной влиянию индуизма на Сэлинджера, прочитанной в Храме веданты в Санта-Барбаре 24 февраля 1991 года.

рый не только приводил к спасению, но и укреплял здоровье. Писатель испытывал недоверие к западной медицине.

Юную выпускницу элитного Рэдклифа визит разочаровал. Ей показалось, рассказывала она дочери, что храм крийя-йоги похож на бакалейную лавочку, а настоятелю – свами Премананде – явно недостает харизмы¹⁶. Как и положено, гуру дал новым адептам мантры и обучил их особой технике задержки дыхания. Десять минут занятий утром, десять вечером – конечно, это далеко от традиционной йоги, как она практикуется в Индии, но для молодых американцев вполне достаточно. По крайней мере, Клэр в результате своих занятий однажды увидела, зажмурив глаза, обещанный белый свет посреди лба, но за дальнейшими инструкциями к «свами-бакалейщику» уже не вернулась. Как крийя-йога повлияла на ее мужа, нам неизвестно, он такими вещами с дочерью не делился. Но по ряду оброненных ею замечаний видно, что повлияла сильно. Например, он дал детям фотографии Лахири Махасаи, чтобы они постоянно носили их с собой. Произошло это лет через десять после инициации, срок не такой уж малый. Учил он Маргарет и технике правильного произнесения мантры – на вдохе «хонг», на выдохе «са». Именно так наставлял в своей книге Парамаханса Йогананда.

¹⁶ Маргарет А. Сэлинджер. Над пропастью во сне. С. 127.

Монолит из ртути

Для Маргарет религиозные практики отца – духовная чехарда, когда одни увлечения накладываются на другие в лихорадочном поиске спасения и место одного гуру-ракальи спешит занять другой. На самом деле Сэлинджер воплощает собой совершенно иной религиозный тип. Он собирает верования и практики, как страстный энтомолог – коллекцию бабочек. Это попытка создать собственный синтез религий, в котором идеи самых разных учений пропускаются через призму современного сознания. Наука входит в невероятные комбинации с религией, порождая сциентистские мифы. Все это в одночасье станет популярным в 60-е и послужит основой для создания NewAge – религиозного движения, которое по сей день влияет на американскую интеллигенцию¹⁷.

В конце февраля 2008 года было опубликовано очередное исследование «Pew Forum on Religion and Public Life» – вашингтонской организации, которая собирает информацию о роли религии в американском обществе и делает ее достоянием широкой публики. В этом исследовании есть интригующие данные. Оказывается, 28 процентов американцев хотя бы раз в жизни сменили свою конфессиональную принадлежность. А если посчитать протестантов, которые перешли из одной церкви в другую (как известно, таких церквей в США не счесть), то получится и вовсе 44 процента. Дальше – больше. 16,1 процента отпали от какой-либо религии, но не присоединились к другой. Причем среди молодежи от 18 до 29 лет таких – каждый четвертый. Однако неверующих в их рядах совсем немного. Атеистами называют себя 1,6 процента, агностиками – 2,4. Остальные существуют вне организованной религии. Из них половина – религиозно индифферентна, другая – находится в духовном поиске.

Это ищущие, которые толком не прибавляются ни к одной конфессии, но религиозность не теряют и в этом смысле наследуют NewAge. И эта тенденция становится сейчас ключевой, ведь она представлена по преимуществу молодежью. Если она сохранится, внеконфессиональная вера станет чуть ли не главной чертой религиозной жизни США. Новое исследование показывает, что монолит веры, который являет собой Америка остальному миру, на самом деле нечто динамичное и подвижное, как ртуть.

Сэлинджер был предтечей такой религиозности, той каплей ртути, которая одной из первых стала совершать причудливые движения, влекомая невидимым импульсом.

На первый взгляд, ее появление объясняется просто. Америка – колоссальный рынок религий, где царит интенсивная конкуренция. Миссионерская охота за душами в условиях глобализации выходит за рамки традиционных для США религий. Тут тебе и буддизм, и индуизм, и масса иных соблазнов. Может быть, дочь Сэлинджера все же права? Ведь недавно критики NewAge – да и продвинутые его адепты – признают, что поиск нового религиозного опыта сродни поиску нового товара в супермаркете, где на прилавки в изобилии вываливают все новые экзотические продукты.

Но получается, что миссионеры остаются с носом. Американцы не стремятся строго следовать религиозным предписаниям, а ищут смысл существования и, будучи закоренелыми индивидуалистами, создают собственные рецепты спасения – пригоршня йоги, горсть христианского мистицизма, щепоть научной соли и оккультного перца. Однако эта духовная пища слишком остра и может не пойти впрок. Вместо того чтобы погрузиться вглубь, человек останется на мелководе. Так-то оно так, но если этот человек – художник, результат может оказаться иным.

¹⁷ См.: Борис Фаликов. Культы и культура. – М.: Изд-во РГГУ, 2007.

Каждый пишет, как он дышит

Проблема писателя, увлекшегося духовными поисками, всегда волновала публику. Наносят ли они ущерб его творчеству или поднимают на невиданную прежде высоту? Любопытно сравнить духовную одиссею Сэлинджера с опытом классика XX столетия, которого он числил среди своих учителей, – Франца Кафки. Пражского писателя увлекало учение Рудольфа Штайнера. Он посещал его лекции в марте 1911 года, когда тот еще возглавлял немецкую секцию Теософского общества. Доктор Штайнер создал самостоятельное учение – антропософию – лишь через несколько лет, но основные его взгляды сложились уже к 1911 году.

В дневнике Кафка пишет о Штайнере без чрезмерного пиетета. Для него очевидны риторические приемы, с помощью которых лектор завораживает аудиторию. Однако сверхъестественные способности оккультиста, в которые он склонен верить, вызывают у него почтение. Не меньшее почтение вызывают и разносторонние познания и таланты Штайнера: «Он был очень близок к Христу. Он поставил в Мюнхене свою пьесу (ты можешь изучать ее целый год и все равно ничего не поймешь), сам нарисовал костюмы, написал музыку. Он был наставником некоего химика...» Тем не менее, к восхищению все же примешивается ирония: «Госпожа Ф.: «У меня плохая память». Д-р Шт.: «Не ешьте яиц»»¹⁸.

Кафка решается нанести знаменитому оккультисту визит и рассказать ему о собственном опыте ясновидения. Да, ему знакомы эти состояния, когда он реально живет в своем воображаемом мире. Кажется, это близко к тому, о чем говорит господин доктор. «Но покоя, который, по-видимому, приносит ясновидящему вдохновение, в этих состояниях почти не было». Во всяком случае, лучшие свои работы он написал не тогда. Между тем, главное для него – писательство, именно в нем он находит редкое счастье. Но писательству страшно мешает необходимость зарабатывать деньги чиновничьим трудом. Это так изматывает. Не добьют ли его окончательно теософские штудии? Впрочем, он готов взвалить на себя и такой груз – вдруг это облегчит его страдания? Что посоветует ему господин доктор?

Мы не знаем, что посоветовал посетителю Штайнер, Кафка об этом не пишет. Но под конец в описании визита слышится откровенный сарказм: Штайнера одолевает насморк, и, пока посетитель изливает ему душу, духовный наставник самозабвенно копается платком в носу. Больше упоминаний о Штайнере и антропософии в дневниках нет. Кафка предпочел быть несчастным человеком, лишь изредка находящим счастье в приступах писательского вдохновения, а не обретшим покой и волю антропософом.

На самом деле вопросы, которые поставил перед Штайнером Кафка, уже заключали в себе ответы. Писатель изначально рассматривал свое призвание как нечто альтернативное духовным поискам. Он был бы рад дополнить одно другим, но боялся, что спиритизм будет мешать творческому вдохновению, вытеснять его вследствие их очевидного сходства. О том, что ответ был ясен ему еще перед началом разговора, свидетельствует и такая деталь. «В его (Штайнера. – Б. Ф.) комнате я пытаюсь выказать робость, испытывать которую не могу, тем, что нахожу самое неподходящее место для своей шляпы...»¹⁹

Несчастный невротик, идущий к мэтру оккультизма, чтобы вопрошать его о смысле жизни, не испытывает робкого почтения, так как про себя уже понимает, что советы ему ни к чему. Он и сам знает, в чем этот смысл заключается. По крайней мере для него.

¹⁸ Франц Кафка. Дневники и письма. – М.: Ди Дик, 1995. С. 33-34.

¹⁹ Там же. С. 35.

Каждый дышит, как он пишет

Не то – Сэлинджер. По мере увлечения восточными практиками в нем растет уверенность, что писательство – тоже средство духовного совершенствования, поэтому жертвовать одним для другого не резон. По сути, это один путь. Более того, спасаясь сам, писатель транслирует свою интуицию читателям, помогая им найти себя в этом мире. Ученик становится учителем. Вовсе не случайно он подарил сваи Нихилананде диптих «Фрэнни и Зуи». В нем как раз рассматривается коллизия, произошедшая в душе молоденькой студентки актерского факультета Фрэнни, которая случайно наткнулась на русский духовный текст XIX столетия «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Анонимный рассказ, переписанный на Афоне настоятелем Черемисского монастыря из Казанской епархии игуменом Паисием, многократно публиковался в России, а затем и за ее пределами стараниями православных людей, оказавшихся в изгнании.

Там он и был переведен на европейские языки. Английский перевод Реджинальда М. Френча под названием «The Way of a Pilgrim» («Путь паломника») и прочла сэлинджеровская героиня²⁰. (Во всяком случае, именно его читала жена писателя Клэр, вероятно, послужившая ее прототипом.)

Юная американка, подобно русскому страннику, встает на путь «умного делания», непрерывного творения Иисусовой молитвы. Это так переворачивает ей душу, что жить по-прежнему она уже не в силах. И даже делает первый шаг в сторону от этой жизни: бросает театральный факультет. Жизнь – сплошная показуха, театр – показуха вдвойне. А безостановочная молитва – прямой путь от житейской суеты к Богу. Причем не требующий веры. Отбросьте пустые мечты и глупые слова, действуйте. И действовали не только православные мистики, утверждает Фрэнни, но и индусские и буддийские аскеты, твердившие свои бесконечные мантры.

Перед нами в сжатом виде религиозная программа контркультуры. В 60-е эти лозунги овладели студенческими массами и повели их на Восток, к индийским гуру, японским роси и тибетским римпоче²¹. Но в 50-е герои Сэлинджера – беспомощные одиночки, которые бьются головой о стену. Вот и Фрэнни бьется, даже близкий человек ее не понимает, только и остается, что упасть в обморок. На этой метафоре полного отчуждения героини от действительности Сэлинджер и заканчивает рассказ. В последней фразе губы очнувшейся девушки «беззвучно зашевелились, безостановочно складывая слова»²². Мы знаем какие.

Во второй части диптиха брат Фрэнни Зуи – красавец и преуспевающий актер, мучимый, однако, теми же метафизическими вопросами, что и сестра, – пытается вернуть ее к жизни. Он говорит вроде бы правильные вещи: Иисусова молитва не может быть самоцелью, нельзя увлекаться погоней за святостью ради святости, это мертвая рациональная конструкция, духовный тупик и т. д. Но девушка, любящая брата и доверяющая ему, тем не менее не желает его слушать и продолжает беззвучно молиться. Зуи понимает, в чем его ошибка – он впал в нравоучительный тон и взывает к уму сестры, а не к ее чувствам. То есть попадает в ту же западню, из которой пытается извлечь Фрэнни.

Выход один – прибегнуть к актерскому искусству, которым он владеет в совершенстве. Уйдя в другую комнату обширной манхэттенской квартиры, он звонит сестре от имени старшего брата Бадди, писателя и мудреца. Сестра, в конце концов, распознает розыгрыш, но

²⁰ The Way of a Pilgrim: And The Pilgrim Continues His Way / Translated by R. M. French. – New York: Harper, 1954.

²¹ Все три слова обозначают «духовный наставник», соответственно на санскрите, японском и тибетском.

²² Дж. Д. Сэлинджер. Фрэнни и Зуи / Перев. с англ. М. Ковалевой, Р. Райт-Ковалевой. – М.: Азбука-классика. 2004. С. 124.

ее защитная броня пробита, и Зуи наносит в эту брешь главный удар. Я не хочу изображать всезнайку-ясновидца, твори свою молитву, если хочешь, но помни – ты большая актриса, это твое настоящее призвание. «И тебе остается только одно, единственный религиозный путь – это играть. Играй ради Господа Бога, если хочешь – будь актрисой Господа Бога. Что может быть прекрасней?». ²³ Но что значит быть актрисой Бога? Это значит играть не для самоутверждения, а для зрителей. Зуи вспоминает, как покойный брат Симор просил его в детстве начистить ботинки перед радиошоу «Умный ребенок» – семейным подрядом Глас-сов. Для кого? Для толстой тети. Он так и не понял, что это за тетя, но ботинки чистил из уважения к брату. И только сейчас сообразил, что в этом был смысл. Какой? «А разве ты не знаешь – слушай же, слушай, – не знаешь, кто эта Толстая Тетя на самом деле?.. Это же сам Христос. Сам Христос, дружище» ²⁴.

Играть для другого – это значит играть для Другого. Бескорыстно стремясь к совершенству в своей профессии, ты спасаешься сам и помогаешь спастись ближнему. Это и есть твоя истинная Иисусова молитва.

²³ Там же. С. 381.

²⁴ Там же. С.383.

Меткость курильщика

После «Фрэнни и Зуи» Сэлинджер опубликовал еще одну повесть – «Симор: введение» (1963). Она написана от лица Бадди и рассказывает о литературном наследии Симора – стихах, которые докажут всему миру его гениальность. Но вот незадача, вдова поэта отказывается дать право на публикацию. Почти не таясь, Сэлинджер дает понять, что Бадди – его альтер эго. Правда, живет на севере штата Нью-Йорк, а не в Нью-Гэмпшире, да еще, вдобавок, преподает в женском колледже английскую литературу на полставки, но он – писатель-отшельник, скрывающийся в хижине на склоне холма в глухом лесу. В воображении читателя может возникнуть треугольник из трех писателей, одного вымышленного и двух настоящих – Дэвида Сэлинджера и Дэвида Торо, который (правда, на век раньше) проживал неподалеку на Уолденском пруду в штате Массачусетс. И тоже не на шутку увлекался Бхагавадгитой.

Сэлинджер награждает Бадди не только своей профессией, но и мировоззрением. Это индуизм, каким его преподавал западным почитателям свами Вивекананда. От классического, скованного кастовой системой, он отличается открытостью миру и желанием преобразить его в такое место, где людям жилось бы свободно и радостно. Ты можешь быть мирянином или отшельником – неважно, это просто разные способы, ведущие к одной цели. Вот и про себя Бадди говорит, что он склоняется к тому, «чтобы назвать себя третьесортным карма-йогом с небольшой примесью джняна-йоги, для пикантности»²⁵. То есть принимает как путь действия, так и путь знания. Но это лишь «сладкозвучное восточное имя». Ибо корни его восточной философии, признается Бадди (он же Сэлинджер), уходят не только в адвайта-веданту свами Вивекананды, но и в Библию. Хотя Сэлинджер шутливо отрешивается от Востока, он все же, скорее, следует путем харизматичного свами, который придал индуизму новый импульс не без влияния христианства. Во всяком случае, на Христа писатель смотрит его глазами и с почтением цитирует гуру: «Узри Христа, и ты христианин. Все остальное – суесловие»²⁶. Различия между религиями снимаются через мистический опыт. Чем глубже опыт, тем меньше различий.

Главная тема «Фрэнни и Зуи» получает законченную формулировку: настоящее писательство (как и любая форма творчества) – это не профессия, а религия. Более того, именно поэты – святые провидцы нашего времени. «Разве истинный поэт или художник не ясновидящий? Разве он не единственный ясновидящий на нашей Земле?» За это они и расплачиваются своей жизнью. «Настоящего поэта-провидца, божественного безумца, который может творить и творит красоту, ослепляют насмерть его собственные сомнения, слепящие образы и краски его собственной священной человеческой совести»²⁷. Главное – творить бескорыстно, не обращая внимания на поношения и похвалы. И читатель-всезнайка уже готов подхватить: так Кришна учил Арджуну в Бхагавадгите исполнять долг своей варны – не заботиться о плодах, и спасешься.

Но автор тут как тут и ловко сбивает пафос. В конце повести Бадди вспоминает, что в детстве Симор учил младшего брата, как лучше всего попасть в цель стеклянным шариком. Излюбленная игра американских подростков со времен Тома Сойера и Гекльберри Финна, еще совсем недавно в нее играли и в сельской глуши, и на суетливом Манхэттене. Так вот, главное здесь – не надо изо всех сил целиться и волноваться: попадешь или нет. И тогда

²⁵ Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи. Повести. Рассказы / Перев. с англ. Р. Райт-Ковалевой. – М.: Пушкинская библиотека – АСТ, 2004. С. 230.

²⁶ Там же. С. 251.

²⁷ Там же. С. 260.

попадешь обязательно. Оставим в стороне дзэнские советы по стрельбе из лука, столь популярные нынче среди интеллектуалов, иронизирует Бадди, все это можно описать не только на восточный лад. Так курильщик попадает окурком в мусорную корзину, когда не выделяется на потеху окружающим и ему совершенно наплевать – попадет он в нее или нет.

Рукописи не горят

После «Симора» Сэлинджер замолчал на долгие годы (не считая публикации в 1974 году рассказа «Хэпворт 16, 1924»). Почему? Кредо сформулировано. Вперед – пиши для людей. Литературоведы объясняют его молчание беспощадной критикой, которая обрушилась на последние повести о Глассах. Ругали его и коллеги-писатели, в том числе такие тонкие, как Джон Апдайк²⁸. Вот наш ранимый гений и обиделся, окончательно спрятавшись в своей хижине на холме. Перестал печататься, не соглашается на интервью и крайне неласков к любому, кто попытается хотя бы немного приподнять завесу тайны над его уединенной жизнью. Дал в 1974 году последнее интервью, где заявил, что пишет исключительно для собственного удовольствия: «Не печататься – вот что дарит мне настоящее спокойствие. Тишину. Публикации – это страшное вторжение в мою частную жизнь. Мне нравится писать, я это люблю. Но пишу только для себя»²⁹. Даже если это и правда, то далеко не вся. Уж слишком Сэлинджер не похож на невротика, который в страхе за свою психику бежит публичности.

Возможно, причина иная. Творец стремится достигнуть совершенства, работая для других, но эти другие из всех сил мешают его труду. Мысль о том, как новое его произведение будет принято читателями, мешает ему сосредоточиться: вместо того чтобы спонтанным движением запустить окуроч в корзину, он думает о зрителях и промахивается. Что же делать? Выходит, что, думая о читателе, он мешает собственной самореализации и, следовательно, мешает читателю получить то, что может помочь тому в духовных поисках. Это неразрешимое противоречие усугубляется тем, что страсть увидеть свое произведение напечатанным ослепляет автора и может заставить его пойти на поводу у доброхотов-критиков, чтобы заслужить их похвалу. И не заметить, что вместо высшей цели он преследует совсем другое – удовлетворение своего мелкого тщеславия. «Хочу ли я отдать это описание в журнал? Да, хочу. И напечатать хочу. Но дело-то не в этом: печататься я хочу всегда», – с отчаянием рефлексировал Бадди в «Симоре»³⁰. Так что же остается? Как преодолеть это последнее искушение? А вот как. Не печататься, писать «в стол». Достигнуть истинного совершенства в тиши своего кабинета, в своем отшельническом убежище.

А как же «толстая тетя», для которой ты должен чистить свои ботинки? Как же твоя миссия в этом мире? Ничего страшного. Что такое 10-20 лет в масштабе вечности? Я умру, и мои совершенные писания увидят свет. Рукописи не горят, тем более, если держать их в надежном месте. Зато перед Господом я предстану с чистой совестью.

«Раз творчество – твоя религия, знаешь, что тебя спросят на том свете? – цитирует Бадди своего брата и наставника Симора. – Впрочем, сначала скажу тебе, о чем тебя спрашивать не станут... Тебя не спросят, длинная ли была вещь или короткая, грустная или смешная, опубликована или нет... А тебе задали бы только два вопроса: настал ли твой звездный час? Старался ли ты писать от всего сердца? Вложил ли ты всю душу в свою работу?»³¹

И Сэлинджер мечтает ответить на оба вопроса – да.

²⁸ John Updike. *Anxious Days for The Glass Family*. – New-York Times. 1961. Sep. 17.

²⁹ New York Times. 1974. Nov. 3.

³⁰ Дж. Д. Сэлинджер. *Над пропастью во ржи*. Повести. Рассказы. С. 280.

³¹ Там же. С. 290.

Нам не дано предугадать...

В Финляндии есть маленькая театральная труппа «Братья Хоукка». Один из ее спектаклей, «Странник», сделан по тем самым «Откровенным рассказам странника духовному своему отцу», которыми чуть не зачиталась до смерти сэлинджеровская Фрэнни. То, что эта книжка оказалась в руках у молодых театральных экспериментаторов, вполне закономерно. Тяга к экзотическим духовным поискам, которой Сэлинджер так щедро наделял своих юных героев, на Западе никогда не ослабевала. Удивительно другое. Финны словно подхватили эстафету в тот момент, когда улыбающаяся Фрэнни забылась «глубоким сном без сновидений». Веданта недаром называет так четвертую турию – последнюю стадию на пути к освобождению – мокше. Слова брата возымели эффект, намекает писатель.

Актеры пересказывают историю странника языком того самого театрального искусства, вернуться к которому в новом качестве призывает сестру Зуи. А начинался проект и вовсе площадным действием. Будущий исполнитель главной роли Юха Валкеапья разослал своим знакомым по электронной почте вопрос «Что вам нужно, чтобы жить в этом мире?» А потом прошел по одной из главных улиц Хельсинки, читая ответы в мегафон. Все правильно: мир – театр, и люди в нем – актеры. Но чем громче он вещал, тем хуже его слышали. И тогда проект обрел камерное звучание.

Рассказ о человеке, который задался аналогичным вопросом в России позапрошлого века, излагается за столом, вокруг которого сидят еще два актера (они играют тех, кто встретился герою на пути) и совсем немного зрителей. И ответ этот обманчиво прост, как в песне «Битлз», – «All you need is love»³². Русский странник не бежал от действительности, хотя и его не миновало искушение удалиться от мирской суеты. Сведя ум в сердце, как учат православные аскеты, он понес свой внутренний свет людям. Иногда, казалось бы, безрезультатно. Избившие его разбойники вовсе не покаялись, лишь за целковый подсказали, где найти ими же украденную Библию. Иногда результат вроде бы достигался помимо него. Женщина, которая хотела его соблазнить, пережила страх Божий, покаялась и сама стала на молитвенный путь, о чем он случайно узнал через несколько лет. Но и не зная, продолжал бесконечный подвиг спасения мира. Кого-то научал Иисусовой молитве, с кем-то делился последним.

Он остается в мире, чтобы полюбить его всей силой очищенного молитвой сердца. Как написал в предисловии к парижскому изданию книги замечательный русский богослов архимандрит Киприан (Керн), творение Иисусовой молитвы «наполняет странника такой любовью к миру, природе, зверям и людям, что не только нельзя говорить о мироненавистничестве, но, наоборот, в его безыскусном рассказе можно прочесть настоящий гимн любви к этому миру и человеку»³³.

Этот гимн и попытались исполнить финские актеры. Причем с такой заразной радостью, что невольно закралось подозрение – вдруг молитва у них всамделишная? Вряд ли, но нерв старой книжки нащупан точно. Театральное искусство отличается от писательского тем, что играть «в стол» нельзя. Его плоды эфемерны и не могут существовать без публики. Соблазны актерской профессии во сто крат сильнее писательских. Но актер не может уйти в затвор, в этом случае он перестает быть актером. И, если он хочет передать свою религиозную интуицию зрителям, ему надо почаще вспоминать о «толстой тете». Похоже, у финнов это получается неплохо. А значит, урок Сэлинджера не пропал втуне. Даже если сам он в конце концов предпочел другой путь.

³² «Все, что тебе нужно, – это любовь» (англ.).

³³ Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. – Париж: YMCA-Press, 1948. С. 3

Джером Сэлинджер – самый религиозный писатель запада. (Борис Кутузов)

Сэлинджер очень быстро прошел путь к пониманию того, что Иисусова молитва («Lord Jesus Christ, have mercy on me»), «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» – есть самая высокая молитва, самая нужная человеку.

Иисус Христос, Богочеловек Нового Завета покори́л его Своей Личностью.

«И Ветхий и Новый Завет, – говорит Сэлинджер в своей повести «Зуи» устами своего героя, – полны жрецами, пророками, учениками, сынами возлюбленными, Соломонами, Исаями, Давидами, Павлами – но, Боже мой, кто же из них, кроме Иисуса, действительно понимал, где начало и где конец?»³⁴ Он написал это, когда ему было 35 лет.

«Иисус понимал, что Бог от Него неотделим, – продолжает Зуи (Захария). – Боже мой, какой ум! Ну, кто, например, сумел бы промолчать в ответ на расспросы Пилата? Только не Соломон, не говори, что Соломон. У Соломона нашлось бы несколько подходящих слов на этот случай. Не уверен, что и Сократ не сказал бы несколько слов. Критон или кто-нибудь там еще ухитрился бы отвести его в сторонку, чтобы выдать парочку хорошо обдуманых фраз для истории. Но главное и выше всего: кто из библейских мудрецов, кроме Иисуса, знал – знал, – что мы носим Царство Божие в себе, внутри, куда мы по своей проклятой тупости, сентиментальности и отсутствию воображения забываем заглянуть? Надо быть Сыном Божиим, чтобы знать такие вещи».

Не так много людей на земле, для которых Евангелие является самодостаточным доказательством бытия Божия и Его Единородного Сына Иисуса Христа.

Мало таких, как Джером Сэлинджер, заявивший: «Надо быть Сыном Божиим, чтобы знать такие вещи». Мало таких, как Павел Флоренский, сказавший: «Есть Троица Рублева – значит, есть Бог».

Джером Сэлинджер – один из самых ярких писателей Америки второй половины XX века, кумир 60-х годов, ветеран Второй мировой войны. Его военный опыт похож на опыт Виктора Астафьева, написавшего «Прокляты и убиты», – оба окопники, прошедшие через весь ужас и мерзости войны, но сохранившие способность любить и делать добро. «Прокляты и убиты» (слова из Св. Писания), по-видимому, именно та книга, о которой говорил Сэлинджер в «Хэпворте»: «Пожалуйста, пришлите мне какую-нибудь честную книгу про мировую войну во всем ее бесстыдстве и корысти, только чтобы автор по возможности не был похваляющийся или ностальгирующий ветеран или предприимчивый газетчик без особых способностей и без совести».

Сэлинджер в войну был больше окопником, чем контрразведчиком. Его дочь вспоминает, как мать однажды позвала его в поход с ночевкой, на что он ответил: «Бога ради, Клэр, я всю войну провел в окопах. И никогда больше, клянусь тебе, не буду ночевать под открытым небом без особой нужды»³⁵.

Ночевать в окопе зимой в снегу – это надо испытать самому, чтобы понять.

Видевший тысячи смертей, похоронивший сотни своих товарищей, оставшийся глухим на одно ухо (рядом разорвалась мина) и с искривленным носом, который сломал, выпрыгивая из джипа под прицельным огнем.

³⁴ Сэлинджер Д. Зуи // Он же. Повести. Рассказы. М., 2009. С. 543.

³⁵ Salinger Margaret A. Dream catcher. A memoir. – Что следовало бы перевести, вероятно, «Грезящий (мечтающий) ловец». Но произволу и фантазии переводчиков нет границ, русское название книги: «Над пропастью во сне: Мой отец Дж. Д. Сэлинджер». Воспоминания. СПб., 2006. С. 69.

Сэлинджер, человек огромного интеллекта, сказал о себе, что он не от мира сего, *not from this world*, – и он был таким. Как и Павел Флоренский, тоже человек громадного интеллекта, и еще некоторые, немногие. По сути они подражали Спасителю, сказавшему Пилату: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36) – «*My kingdom is not from this world*».

Чтобы сделать дело, описанное в Новом Завете, говорит Сэлинджер, Бог «выбрал самого лучшего, самого умного, самого любящего, наименее сентиментального, самого неподдельного (*unimitative*) Учителя из всех»³⁶.

Критики называют Джерома Сэлинджера художником яркого, сильного таланта художником высокой одаренности. «Что же касается показа мастерства в изображении деталей, – говорит И. Галинская о его повести «Зуи», – то писатель демонстрирует это свое искусство с подлинным блеском, варьируя самые разнообразные приемы литературной техники». Тут и особый литературный монтаж, и даже контрапункт, недаром он назвал Кафку в ряду писателей, его интересовавших.

В некоторых его произведениях (например, «Симор: знакомство») литературный стиль Сэлинджера вызывает ассоциации со средневековым медитативным стилем «плетения словес» эпохи исихазма (попытки выразить тайны горнего мира утонченными и сложными словесными построениями). Мелодическим аналогом стиля «плетения словес» на средневековой Руси, как известно, стало каллофоническое (сладкогласное) мелизматическое знаменное пение, получившее свое наивысшее развитие в так называемом большом (сугубо медитативном) распеве. А уж в медитации-то Сэлинджер толк знал, глубоко изучив индуистскую теорию и практику этого дела. Благодаря успехам музыкальной медиевистики, большой знаменный распев – музыкальный исихазм – в переводе великого русского распевщика Федора Христианина (XVI в.) сегодня уже достаточно широко известен.

Сэлинджера трудно переводить на другой язык, ибо он воистину «мастер высшего словесного пилотажа», как он выразился о своем герое: «*experienced verbal stunt pilot*³⁷». Он же и тончайший стилист высшего класса. Сэлинджера надо читать в подлиннике, и ради этого стоит выучить английский язык. Ведь учили же видные западные литераторы – и некоторые учат сегодня – русский язык, чтобы в подлиннике читать Пушкина, Чехова, Толстого, Достоевского и др.

И еще есть одна весьма важная причина, чтобы читать Сэлинджера в подлиннике, о чем будет сказано ниже.

Религиозному писателю трудно было писать на нерелигиозную массу (много ли было верующих в Америке в середине прошлого века?).

Отсюда сарказм писателя:

«И так уже люди, говоря обо мне, покачивают головами, и если я еще хоть один раз в своем творчестве употреблю слово «Бог» не в его прямом, здоровом американском смысле (*expletive*) – как некое бранное междометие, – то это послужит явным свидетельством, точнее подтверждением того, что я уже начинаю хвастаться знакомствами в высших сферах, а это верное свидетельство, что я человек пропащий³⁸».

О переводе можно сказать: то, да не то. Уж лучше воспроизвести оригинал, хотя бы и для слабо знающих английский, – можно посидеть над словарем (большим!), поразмышлять.

«*People are already shaking their heads over me, and any immediate further professional use on my part of the word «God», except as a familiar, healthy American expletive, will be taken –*

³⁶ Там же. С. 544.

³⁷ Salinger J.D. *Franny and Zooey*. New York, 1991. P. 193.

³⁸ Сэлинджер. Зуи... С. 439..

or, rather, confirmed – as the very worst kind of name-dropping and a sure sign that I'm going straight to the dogs³⁹».

Не лучше ли заменить в русском переводе «бранное междометие» на «присловье»?

И.Л. Солоневич, читавший в подлиннике английскую литературу, отмечал безнадежную неточность английского языка.

Действительно, английское слово может иметь до 10, а то и 20 смыслов. Взять, хотя бы «expletive». Проф. В. Мюллер в своем словаре дает следующие значения этого слова: «служащий для заполнения пустого места, для украшения; служащий для ритма; дополнительный, вставной; вставное слово, присловье *или* бранное выражение».

Если один переводчик переводит «*Seymour: an introduction*», как «Симор: знакомство», то другой, как «Симор: Введение». Более уместно, по-видимому, «знакомство» как представление читателю.

Так вот, Сэлинджер, сугубо религиозный писатель, писал в основном на нерелигиозную массу читателей. Как свидетельствует выдающийся социолог современности П. Сорокин, быт рядовых американцев уже в то время был пропитан «практическим материализмом» в форме погони за материальными ценностями.

Отсюда – сарказм писателя и попытки выразить свои идеи порой прикрито, порой прибегая к символике и различным условным знакам, которые приходится буквально расшифровывать. К. Славенски пишет, что Сэлинджер «всеми силами старался завуалировать религиозное содержание «Зуи», но безуспешно».

Нет никаких оснований считать, говорит П. Сорокин, что американский (или любой другой западный) народ свободен от «материалистической скверны», совершенно идеалистичен и свят... Из исследования Дж. Лейба (J. Leuba. *The Belief in God and Immortality*, Boston, 1916) следует, что еще в то время от 40 до 60 процентов американских профессоров и студентов не верили в бессмертие души, Божественную природу Христа, непорочное зачатие Иисуса или в некоторые другие догматы христианских религий.

«Недавний широкий опрос населения в разных европейских странах, – писал в 60-е годы П. Сорокин, – проведенный Международной исследовательской ассоциацией, показал, что в Италии лишь 51 процент верит в эти догматы, в Норвегии 42 процента, в Бельгии 33 процента, во Франции 30 процентов; всего в Европе около 70 процентов опрошенных объявили себя агностиками и неверующими в эти догматы⁴⁰».

Несмотря на такую ситуацию, на такое безнадежное в религиозном смысле общество (об СССР можно вообще не говорить – официальный государственный атеизм, а вернее – антитеизм, богоборчество), Джером Сэлинджер активно и искусно, в меру отпущенного ему литературного таланта, проповедует веру в Бога-Творца, ждущего от человека дел добра и любви.

Устами Симора (второе alter ego автора, первое его alter ego, как утверждают критики, – Бадди) он возглашает: «Когда он, твой герой, или Лес, или еще кто, Богом клянется, поминает имя Божие всуе, так ведь это тоже что-то вроде наивного общения с Творцом, молитва, только в очень примитивной форме. И я вообще не верю, что Создатель признает само понятие «богохульство». Нет, это слово ханжеское, его попы придумали⁴¹».

Советский перевод на русский язык, который переиздают и сегодня, оставляет желать, как говорится, много лучшего. Во-первых, переводчица (Р. Райт-Ковалева) вводит перед этим абзацем, по-видимому, в плане марксистского антитеизма, кощунственную до непри-

³⁹ Salinger... P. 48.

⁴⁰ Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. (Интернет-сайт, 2009).

⁴¹ Сэлинджер Д. Симор: Введение // Он же. Повести. Рассказы... С. 354.

личия фразу, которой у автора и в помине нет. Во-вторых, последняя фраза тоже выдержана в духе советского антирелигиозного стиля.

У автора: «It's a prissy word invented by the clergy». Пожалуй, правильнее будет перевести: «Это выигрышное слово, изобретенное духовенством».

А «ханжество» по-английски – sanctimony, piousness.

Не миновать выписать весь абзац в оригинале.

Критический отзыв старшего брата, Симора, о рассказе Бадди.

«It should have been a religious story, but it's puritanical. I feel your censure on all his God-damns. That seems off to me. What is it but a low form of prayer when he or Les or anybody else God-damns everything? I can't believe God recognizes any form of blasphemy. It's a prissy word invented by the clergy⁴²».

Итак: «Я чувствую твое порицание всех его God-damns. Это кажется мне неверным»... Далее перевод уже цитирован выше.

Кстати, damn, damnation – в английском языке, кроме проклятия, ругательства имеют еще чуть ли не 20 значений, в их числе: освистать, провалить пьесу, осуждать, порицать, критиковать и т. д.

Никаких кощунственных фраз здесь у автора нет, кощунство – на совести переводчицы, советских издателей и, разумеется, современных издателей, тиражирующих (ведь без хлопот!) старый перевод.

Кстати поговорить о первом переводе Сэлинджера на русский язык. Его роман «Ловец во ржи» был впервые издан в Советском Союзе журналом «Иностранная литература», № 11, в 1960 году. В переводе роман получил название «Над пропастью во ржи», не без социального оттенка – ибо кто катится к пропасти, как не капиталистическая Америка, что твердо знал тогда каждый советский школьник.

У Сэлинджера в его первой большой книге особенно часто используется то, что он назвал молитвой в примитивной форме: «Когда он, твой герой, или Лес, или еще кто, Богом клянется, поминает имя Божие всуе, так ведь это тоже что-то вроде наивного общения с Творцом, молитва, только в очень примитивной форме».

Советские издатели великолепно почувствовали эту молитву в примитивной форме, и в духе официального антитеизма справились с ситуацией, можно сказать, с «гениальной» простотой, развернули на 180 градусов. Где в тексте у автора встречалось слово «Бог», переводчица заменяла это слово его антиподом.

Получилось то, что перевод Р. Райт-Ковалевой в начале 60-х годов книги Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» («The catcher in the rye») в плане радикального антихристианства побивает всякий рекорд по искажению авторского текста. Где у автора «Бог» – в переводе – «дьявол»; где у автора «ради Бога», «ради Христа» – в переводе «черт возьми», «черт побери». Советский перевод (издательство ЭКСМО, М., 2009) буквально кишит «чертыханиями».

«Jesus Christ!» – перевод: «о, черт!» (с. 54); «for Chrissake» – «ради Христа», перевод – «черт возьми» (с. 55); «Jesus H. Christ!» – перевод: «Вот так история!» (с. 55); «for Chrissake» – перевод: «фу ты, дьявол» (с. 56); «for Chrissake» – перевод: «что за чертовщина» (с. 65); «Jesus!» – перевод: «о черт!» (с. 70); «for Chrissake» – перевод: «что за черт» (с. 72); «why the hell isn't it?» – перевод: «почему не то, черт побери?»

И так далее и тому подобное.

Английское слово «hell» переводится как «ад; игорный дом, притон»; a hell of a noise – адский шум; like hell – сильно; стремительно; изо всех сил; to ride hell for leather – нестись во

⁴² Salinger J.D. Seymour – An introduction. New York, 1991. P. 153-154.

весь опор; to give somebody hell – ругать кого-либо, на чем свет стоит; всыпать кому-нибудь по первое число и т. п.

Излюбленный перевод этого слова советскими переводчиками – «черт»; go to hell переводится, конечно, «пошел к черту». У Р. Райт-Ковалевой (подлинная фамилия и имя у переводчицы, согласно интернету, – она была взята из этой жизни в 1988 году, прожив почти 90 лет, – Рита Яковлевна Черномордик) получилась вполне «чертыхальная» книга, что и требовалось высшему начальству.

Впрочем, в духе и стиле советско-марксистско-ленинского антитеизма переводилась вся иностранная литература, например, «Популярная астрономия» Камилла Фламариона, глубоко верующего ученого, представленного в Советском Союзе безбожником; даже «Остров сокровищ» Р. Стивенсона⁴³ не избежал соответствующей правки.

Если бы Сэлинджер прочел советский перевод своей книги, инфаркт ему, вероятно, был бы обеспечен. Из религиозного писателя сделали безбожника-ругателя.

Следует сказать, что вообще англоязычная литература удивительно «целомудренна» в отношении «чертыханий». Фенимор Купер в «Последнем из могикан» пишет по этому поводу: только помани нечистого – и он здесь. Эта мистическая осторожность присуща также людям старых православных традиций – антипода Господа Бога они при нужде предпочитают называть не прямым его именем, а отвлеченным обозначением: враг, нечистый, лукавый и т. п. «Чертыхания» начались именно в русской нецерковной литературе после погрома Православия в середине XVII века. Исходный пункт – никонианство, когда даже «батюшкам» было дозволено и курить, и в картишки перебрасываться (как описывает Чехов и другие писатели в своих произведениях), и «чертыхаться», этакая, так сказать, эмансипация произошла, освобождение от старых предрассудков. Вон Гоголь без этих «старых предрассудков» такую бесовщину развернул в своих ранних произведениях на высокохудожественном уровне, что опомнился только в конце жизни, да и покался ли в своем панибратстве с нечистой силой, как полагалось? А они, эти произведения его продолжают работать и отравлять, прежде всего, детей, молодежь. Недаром марксисты поставили ему роскошный памятник на Страстном бульваре в Москве с надписью: «От советского Правительства». Есть, конечно, у Гоголя и иные заслуги перед советским правительством.

ИНФО НКВД-КГБ (информационный отдел тогдашней спецслужбы, курировавший, в частности, интеллектуальную жизнь страны) в 60-е годы, публикуя «Ловца во ржи» Сэлинджера, казалось, убивал двух зайцев: во-первых, автор, по-видимому, резко выступает против американского образа жизни, что в пропагандистском плане архиважно; во-вторых, в русской версии, благодаря умелому переводу Р. Райт-Ковалевой, книга религиозного автора, у которого текст буквально пестрит восклицаниями God, for God's sake, for Chrissake, а то и просто Christ (воистину молитва на примитивном уровне, хотя бы и в формате expletive), приобрела антитеистический характер.

Вот поэтому-то, прежде всего, и надо читать Сэлинджера в подлиннике.

Глубинная идея книги Джерома Сэлинджера «Ловец во ржи» – идея религиозная.

«Мир весь во зле лежит» (1Ин. 5, 19). «Не любите мира, ни того, что в мире» (1Ин. 2, 15).

Джером Сэлинджер, человек не от мира сего, через своего героя Холдена Колфилда, отвергает не только ложь американского образа жизни (о советском и разговора нет), но ложь всего мира, ибо весь мир во зле лежит, мир искажен, он уже не такой, каким он вышел из рук Создателя, кругом фальшь, лицемерие, «липа», «phony», и чистая душа (а у Холдена душа чистая, несмотря на его прегрешения, до 16-ти лет подросток сохранил девственность) отрицает этот мир лжи и фальши.

⁴³ Об этом см.: Кутузов Б.П. Бесы после Достоевского. – На сайте www.kutuzov-bp.ru.

«Лживи сынове человечестии» (Пс. 61, 10), «всяк человек – ложь» (Пс. 115, 3), – говорит Св. Писание. И все-таки, душа по природе своей христианка (Тертуллиан).

Сам Холден Колфилд тоже не ангел и сознает это. Он любит дразнить и раздражать соучеников, лжет на каждом шагу, сам себе удивляясь.

«Я самый ужасный лжец, какого вы когда-либо видели в своей жизни. Это ужасно. Если я иду в магазин, скажем, купить журнал, и кто-нибудь спросит, куда я иду, я могу сказать, что иду в оперу. Просто страх».

Правда, врет Холден, как правило, без всякой корысти для себя, как говорится, из любви к искусству (с каким поистине высоким вдохновением он «заливает» в пригородном поезде мамаше своего бывшего соученика Эрни, которого сам он в глубине души считает не последним занудой, а та, затаив дыхание, слушает, какого изумительного сына она воспитала). Сказывался будущий писатель, работала, найдя выход, творческая фантазия. Это было и у Ивана Сергеевича Шмелева в раннем детстве – и откуда ты все это берешь, удивлялись окружающие, слушая его диковинные рассказы. И в этом еще греха нет, пока фантазия работает на добро, дети любят сказку, особенно добрую, а человек сотворец Богу, творчество имеет Божественную основу, потому оно так и привлекательно.

Но человек изначально испорчен, изуродован со времен падения Адама и Евы. И все же лучшие представители человеческого рода, вроде Колфилда, с детства бессознательно ориентированы в религиозном направлении, тянутся к правде, добру, свету, любви.

Религиозного воспитания в детстве Колфилд (Сэлинджер) почти никакого не получил, православных традиций и подавно не знал – куда идти, что делать? И начинается все с бунта, отрицания мира фальши, лицемерия и приспособленчества (конформизма).

«Жизнь – это игра, в которой надо играть по правилам», – так учат Холдена немудреной философии конформизма и директор школы Термер, и учитель истории Спенсер (как видим, учат не душу спасать, а «играть по правилам»). И натываются на внутренний (Холден воспитанно молчит) резкий протест, в переводе на язык нынешних молодых диссидентов: «В гробу я видел вашу философию в белых тапочках!.. Это мы уже проходили: «Что наша жизнь? – Игра! Сегодня ты, а завтра я... Так бросьте же борьбу, ловите миг удачи...», – проходили мы это»...

Конформизм с марксистской химерой в Советском Союзе унес миллионы жизней за 70 лет. Конформизм с безбожием уносит во всем мире миллионы и миллиарды жизней в ад.

Что мог дать детям и подросткам своею проповедью бизнесмен, член одной из многочисленных американских религиозных конфессий, приехавший в их школу поучить молодежь? Как делать деньги с помощью Господа Бога? На такую «липу» протест был всеобщий, выразившийся не в очень деликатной форме.

Так что делать? В чем смысл жизни? Где правда? А тут как раз отчислили из школы-пансиона за нежелание учиться, провалил почти все экзамены. Это был, конечно, бунт, менял уже четвертую школу.

Оказалось, что показуха, лицемерие, «липа», процветавшие в школе Пэнси, были еще цветочками, с ягодками Холден познакомится позже, когда шагнет из этой школы в «большой мир», мир взрослых. Зло в мире взрослых оказалось во сто крат ужасней, чем в детской школе.

Никто не научил подростка, как вести себя в мире зла, как воспитывать себя, учиться смирению, учиться уважать взрослых, учиться терпению, любви, о дониконовском православии он, наверное, и не слышал. Подросток будет это познавать на собственном опыте, который будет нелегким и болезненным. Кто его когда учил, как совлекаться ветхого человека и облекаться в нового?

Холден сам не понимает умом, атеист он или верующий, подсознательно он, конечно, верующий, примитивно общающийся с Творцом хотя бы через God-damn, God's sake, for Chrissake и т. п.

Впрочем, может быть, полусерьезно, он спрашивает соученика Экли, как поступить в монастырь. Но тут же добавляет, что при его невезении он обязательно попадет не к тем монахам, к каким-нибудь подонкам.

Методисты, пресвитериане, баптисты, иеговисты, квакеры, мормоны, адвентисты седьмого дня и пр. и пр., конфессии и просто секты – как разобраться американскому мальчишке в этой каше, где истинная Церковь, где истинная вера? И впрямь, попадешь ненароком куда-нибудь не туда. Где правда?

Собрав чемодан, уходя где-то в 12-м часу ночи из пансиона навсегда, вроде бы и всплакнув (мальчишка же еще), Холден на прощанье вдруг заорал во все горло: «Спите крепко, кретины!» Как вспоминал потом, мог бы побиться об заклад, что разбудил всех этих идиотов на своем этаже. Конечно, это больше шуточное типично мальчишеское хулиганство, но...

Нехорошо, Холден, нехорошо вдвойне!.. Кто тебя учил так делать?.. И крестинами всех считать, что это такое? – Это признак большой гордости, возношения.

Молитва св. Ефрема Сирина – это в православии, которое для американца за семью замками, но стихотворение-то А.С. Пушкина существовало уже давно и было доступно (правда, вопрос: переведено ли оно на английский?):

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлететь во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи...

Не осуждай, терпи, не превозносись перед другими.

«Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Притч. 3, 34), – так учит православие.

Насколько сильнее стиха Пушкина молитва св. Ефрема Сирина на древнерусском: «Господи и Владыко живота моего...», но Холдену не вместить. Жизнь сама будет смирать его, учить смирению, порой очень болезненно.

Снял номер в дешевой нью-йоркской гостинице на день-два, чтоб объявиться в родительском доме в среду, когда каникулы начинаются. Искушения начались сразу же. Из окна номера видит в противоположном корпусе каких-то извращенцев (perverts).

Возвращаясь из кафе в свой номер, попадает в настоящие сатанинские сети: лифтер Морис предлагает продажную девицу – всего за пять долларов (баксов). Верующий человек

знает запреты, знает заповедь: не прелюбодействуй. Но Холден соглашается под предлогом, что может быть, он когда-нибудь женится, а для этого неплохо иметь какую-то практику. Для подростков-девственников отношения полов – притягательная жгучая тайна, а тут случай представляется.

Однако действительность сурова. Приходит в номер девица примерно его возраста, но девственник Холден чувствует великое смущение и просто невозможность всего дальнейшего, какой-то внутренний запрет, «категорический императив». Эта развращенная девица, почти ребенок, кажется ему жуткой и страшной. Видимо, глубоко грешная душа приобретает какие-то бесовские свойства, которые отражаются и на внешности, и которые видны даже людям с душой чистой.

Под предлогом недавней операции на «клавиборде» (!) (соврать и выдумать ему ничего не стоит), Холден отказывается от услуг гостыи, отдает ей пять долларов за беспокойство и прощается. Но не тут-то было, от сатаны так просто не отделаешься, если уже хоть немного поддался ему. Девица требует еще пять долларов, получает отказ, после чего является уже со своим подельником лифтером Морисом «качать права»: «гони, шеф, монету, не вынуждай нас грубо с тобой обращаться».

Смириться бы надо было подростку в таких обстоятельствах, отдать вымогателям еще пять долларов, но откуда же у нас смирение, мы будем свои «права качать» на базе «римского права» и своей юридической правоты.

А у вымогателей свое «римское право», взяли у него пять долларов сами из его кошелька. Ну, смириться бы и здесь, пес с вами, забирайте, сила на вашей стороне, пять баксов – не столь большая сумма, берите, если уж у вас такая жажда. Но гордость Холдена слишком уязвлена этим откровенным мелким грабежом. Он в великом раздражении высказывает наглому лифтеру все, что он о нем думает, о его будущей нищете и убожестве (а язык Холдена-Сэлинджера – язва, это язык будущего талантливого литератора, видящего на три аршина под землей) и попадает прямо в десятку, в самую болевую точку Мориса. Не стерпев такого уязвления от мальчишки, лифтер наносит ему жестокий удар в живот, в солнечное сплетение. Опытные в этом деле негодяи всегда бьют в солнечное сплетение – факт избиения впоследствии трудно доказать, наружных повреждений нет, а нокаут обеспечен. Нокаут и был, хотя сознания Холден, как он говорит, не терял. Но он долго лежал на полу, ему казалось, что он умирает, дыхание от таких ударов останавливается. Мог бы и умереть. А «гостей» давно и след простыл. Смиряться парень, хоть и со слезами. Зло мира коснулось тебя всерьез, это не то, что детская «липа» в Пэнси с лицемерием директора и неприятными привычками соучеников – это все были цветочки для детей.

А следующий жестокий урок жизни уже подстерегает Холдена. Занесло его переночевать к бывшему, весьма им уважаемому учителю, мистеру Антолини, а тот возьми, да и окажись «голубым». Или это только показалось Холдену, когда он, внезапно проснувшись, ощутил, что крепко хлебнувший виски мистер Антолини в темноте гладит его по голове? Тем не менее, его как пружина подбросила с кушетки, и парень бежит досыпать ночь на вокзальной лавке.

За его 16 лет, как он говорит, ему приходилось раз 20 сталкиваться с извращенцами. Бесы демагогически обыграли принцип свободы в «свободной» Америке и взяли большую силу – «у нас свобода», Америка кишела извращенцами и психами всех сортов⁴⁴.

Мир во зле лежит, мир зачумленный. Похабщина нацарапана на стене детской школы, похабное слово обнаруживается даже в музее.

Похабный мир!

⁴⁴ Там же.

Куда идти, куда податься? И принимает, в общем-то, правильное решение, надо бежать в леса, где нет людей, в пустыню, стать отшельником, как знаменитый Генри Торо, бежавший от цивилизации «потребления», или как христианские монахи. Практически для этого надо сначала пробраться на дальний Запад, где его никто не знает, заработать деньги на какой-нибудь бензоколонке и купить хижину в безлюдной лесистой местности.

Этот план Сэлинджер выполнил, книга во многом автобиографическая, купил на окраине огромного леса хижину в Корнише, штат Вермонт, где и прожил отшельником всю жизнь.

Иной мастер слова, в России, Николай Рубцов, примерно в это же время (и при коммунистическом режиме кто хотел спастись, имел эту возможность) напишет на эту тему о русском Торо:

Я запомнил как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
– Филя! Что молчаливый?
– А о чем говорить?

«Видяй право помилован будет», – сказано в Св. Писании.

Сэлинджер, когда сбежал от городской цивилизации в лесной уголок в Корнише, еще не достиг этой степени духовного совершенства, чтобы видеть всех хорошими, а себя плохим, хуже всех, но он стремится к нему, сам пилит-колет дрова, таскает воду из старого колодца в избу свою, без газа, без ванной, как говорится, без удобств.

Отшельничество его пришлось делить и первой, и второй жене, и детям, но этот вариант Холден Колфилд предусматривал.

Десятилетняя сестренка Фиби упрекает его, что он никого и ничего не любит, но это не так. Он любит и саму Фиби и вообще маленьких детей. Это христианское чувство. Сам Христос сказал: «Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное. Кто смирится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном. И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 18, 2-5). «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19, 14).

В православной Церкви дети до семи лет причащаются без исповеди, даже неподобающие поступки в грех им не вменяются. А совсем маленькие дети – чисты от грехов и беззлобны, смиренны и послушны, они почти уподобляются бесплотным ангелам. Апостол учит: «злобою младенствуйте», ибо младенец беззлобен. Холден тянется к детской чистоте и простодушию.

И недаром, когда Фиби припирает его к стене: «Кем бы ты хотел стать?», – ему приходит в голову фантастическая ситуация: множество детей играет во ржи, а он стоит на краю ужасного обрыва и следит, чтобы никто из них не упал туда. Накануне на улице он слышал песенку на известный стих Роберта Бернса: «если кто-то звал кого-то вечером во ржи», причем мальчишка почему-то напевал: «ловил кого-то» – отсюда и «ловец во ржи».

Спасать детей от грозящей им опасности – вот все, что ему хочется.

Спасать души людей – это деятельность священника (и пророка – проповедью).

В поисках «Царства Божия и правды Его» Сэлинджера повело окольными путями.

Признанный специалист по Сэлинджеру Кеннет Славенски пишет:

«В конце 1946 года Сэлинджер начинает серьезно изучать дзен-буддизм и католическую мистику. Эти религиозно-философские направления не столько сформировали его взгляды, сколько укрепили в самостоятельных духовных исканиях. Дзен был ему ближе из двух, благодаря акценту на том, что все элементы мироздания взаимосвязаны и находятся в тонком равновесии, – эта тема возникала в его произведениях и прежде. Религиозно-философские занятия среди прочего подвели Сэлинджера к мысли, что на нем как на писателе лежит долг своими произведениями духовно возвышать читателей⁴⁵».

Из конфессионально-сектантской американской каши, кроме дзен-буддизма и йоги Сэлинджер интересуется дианетикой (сайентологией) Рона Хаббарда, «христианской наукой» (общество), макробиотикой и пр.

С сомнениями, верующий он или атеист, покончено давно, «в окопах атеистов не бывает».

В «Хэпворте 16, 1924», написанном в 1965 году, его литературный персонаж семилетний Симор все свои выкладки и размышления (он акселерат и вундеркинд, развит не по летам) начинает от Бога-Создателя и Им же кончает. Он начинает свое письмо из летнего детского лагеря к горячо любимым родителям, младшим братьям и сестре восклицанием: «Боже Всемогуший, как мне вас не хватает!...» В связи с некоей проблемой он просит всех помолиться о нем: «Если у вас найдется минутка, дорогие Лес и Бесси, – и вы, малыши, тоже, – пожалуйста, помолитесь о том, чтобы мне достойно выбраться из этой дурацкой и досадной сумятицы. Помолитесь, когда будет вам с руки, но только своими словами... Уэйкер, старина (old man), я в особенности рассчитываю на силу твоей замечательной невинной молитвы!» (Младшему брату, старине Уэйкеру, всего три года, но общеизвестна верующим сила молитвы чистого безгрешного ребенка). Размышляя о премудро устроенном человеческом теле, Симор (Сэлинджер) восклицает: «Вот еще один повод почтительно снять шляпу перед Господом Богом в трудный день». Симор работает над собой в духовном плане: «Струйка опасной неуравновешенности бежит по моим жилам, точно маленький бурный поток, и нельзя на это закрывать глаза... Простой дружеской молитве она не поддается. Тут от меня требуется упорная, неотступная работа, и слава Богу»...

Письмо Симора – это проповедь любви и добра в христианском духе.

Однако маленький вундеркинд (кажется, что пишет взрослый, умудренный опытом, человек) отдает себе отчет, что мир полон злобы: «Пока не наступит конечный час нашей жизни, уйма народу будет приходить в бешенство и кипеть злобой при одном появлении наших лиц (в лагере вместе с ним был пятилетний брат Бадди. – *Б.К.*) на горизонте. При одном только виде наших лиц, заметьте, я уж не говорю о своеобразных и часто несносных наших личностях! Это было бы даже немного смешно, если бы за мою короткую жизнь мне не приходилось уже многие сотни раз наблюдать такую ситуацию с тоской и душевной мукой. Остается только надеяться, что, продолжая день за днем улучшать и совершенствовать свои характеры, успешно искореняя всякую настырность, показную заносчивость

⁴⁵ Slawenski Kenneth. J.D. Salinger. A life raised high. – Дж. Д. Сэлинджер. Идя через рожь. М., 2012. С. 180.

и избыточную эмоциональность, а также ряд других свойств, в корне никуда не годных, мы в конце концов перестанем с первого взгляда и даже просто понаслышке возбуждать в других людях столько ненависти и смертельной вражды (незаурядные и даже исключительные таланты Симора и Бадди, несомненно, должны были вызывать зависть окружающих и злобу. – *Б.К.*)... Только ни в коем случае не позволяйте из-за этого мраку затмить ваши души. Сколько зато на свете всевозможных радостей и утешений! Ну видели ли вы когда-нибудь других таких неустрашимых крепышей, как ваши два отсутствующих сына? Разве среди яростных вихрей и собирающихся бурь наши молодые жизни не остаются чудесным незабываемым вальсом?»

В произведениях Сэлинджера мы не найдем прямой проповеди, поучений. Проповедью и поучением становится сама деятельность литературного героя, его поступки, размышления, различные жизненные коллизии. Именно такой творческий акт был и у И.С. Шмелева, что отмечает И.А. Ильин в своих критических отзывах.

В своем довольно длинном письме Симор часто затрагивает религиозную тему, о Создателе.

«Лес (если ты уже возвратился из фойе), я знаю, ты честно развлекаешься неверием в Бога или в Провидение – или какое там слово тебя меньше раздражает и смущает, – но даю тебе слово в этот знойный и очень памятный для меня день, что даже случайную сигарету невозможно прикурить без щедрого художественного согласия Вселенной! (Пример выбрал Сэлинджер плохой – православным известно, что на том свете «табак растет у входа в ад». – *Б.К.*) Ну, может быть, «согласие» – слишком общо сказано, но чья-то голова должна кивнуть, прежде чем огонек спички коснется кончика сигареты. Это, конечно, тоже слишком общо, о чем я всем существом сожалею. Я убежден, что Бог вполне согласится носить человеческую голову, которая способна кивать, если это очень нужно какому-нибудь Его почитателю, так Его себе представляющему; но лично мне не нравится, чтобы у Него была человеческая голова, я, пожалуй, повернусь на каблуке и уйду, если Он наденет на плечи голову для моего сомнительного удовольствия. Это, разумеется, преувеличение; уж от Него-то я уйти бессилен, даже под страхом смерти».

Рассуждая о правильном дыхании, снова сворачивает на славословие Богу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.